
Лари Лис
ФОРА
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Лари Лис

Фора

«Автор»
2026

Лис Л.

Фора / Л. Лис — «Автор», 2026

Успешная писательница Валерия прилетает на Алтай на пару месяцев — написать новый роман, отдохнуть от Москвы и наконец остаться наедине с собой. Но горы, которые казались идеальным местом для работы, хранят тайны, о существовании которых людям лучше не знать.P.S очень много мата... но так надо

© Лис Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 16
Глава 3 22
Глава 4 37
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Лари Лис
Фора

Пролог

— Ты же неделю назад прилетела из Сочи, — терпеливо раздался в трубке голос моего редактора.

— В Сочи я отдыхала, — сказала я, поудобнее устраиваясь в жёстком аэропортовом кресле. — И вообще, Рит, отстань. Бесишь уже. Хватит читать мне нотации. Я тебе сказала: через два месяца у тебя будет роман. Готовый. Красивый. Возможно даже с запятыми на месте.

— А в Сочи ты, конечно, не могла начать его писать?

Я прикрыла глаза и медленно выдохнула.

— Я ещё раз тебе повторяю: в Сочи я отдыхала. Не писала. Гуляла, пила, смотрела на море и занималась прочими важными для творческого человека вещами.

— То есть ничем полезным.

— Именно. А когда я пью, ты сама знаешь, я не пишу. Я становлюсь доброй, ленивой и бесполезной для литературы. Поэтому сейчас я хочу уехать куда-нибудь подальше, забиться в тишину и наконец начать работать.

— И для этого ты выбрала Алтай?

— Да, для этого я выбрала Алтай, — терпеливо повторила я, как будто разговаривала не с редактором, а с упрямым ребёнком. — Мне сказали, что там красиво. Там горы, воздух, озёра, леса и минимум людей, которые хотят от меня срочный синопсис, план по главам и объяснение, почему я опять сорвала сроки.

В трубке раздался смешок.

— Ещё скажи, что ты решила вдохновиться горами и написать про горных драконов.

— Да, блядь, именно это я и решила. Что тебя опять не устраивает? Захотела — и лечу. Всё. Связь там вроде как должна быть, хотя я не уверена. Если пропаду, значит, или пишу, или меня сожрал медведь. В обоих случаях беспокоить меня лучше не надо.

— Ладно, Лер, не ори, — тут же примирительно сказала Рита. — Я тебя услышала. Просто прошу: если будет возможность, скидывай мне хоть что-нибудь. Любой кусок, абзац, страницу, план, заметки. Мне нужно понимать, что ты не лежишь где-нибудь на берегу с бокалом вина и не называешь это творческим процессом.

— Во-первых, на берегу с вином я уже лежала в Сочи. Во-вторых, я всё-таки собираюсь работать.

— Очень на это надеюсь. И ещё одна маленькая просьба.

Я обречённо закатила глаза.

— Ну?

— Пожалуйста, в этот раз без очередного мрачного красавца. Без мужика, который молчит, смотрит исподлобья, пахнет лесом, табаком и опасностью, а героиня рядом с ним моментально теряет волю к сопротивлению.

Я усмехнулась.

— То есть ты хочешь лишить меня половины продаж?

— Я хочу, чтобы ты хоть раз удивила меня.

— Хорошо, — сказала я. — Сделаю наоборот. Будет не красавец, а, не знаю, плешивый алкоголик с нервным тиком. Или вообще красноглазое существо, от которого пахнет не кедром и кожей, а, например, полынью и эмоциональной незрелостью.

Рита расхохоталась.

— Вот это уже интересно.

— Да-да, я поняла. Всё, давай. Я тебе позвоню, как доберусь.

— Только не пропадай.

— Постараюсь, — сказала я и сбросила вызов.

Экран телефона потух, а я ещё несколько секунд смотрела в собственное отражение на чёрном стекле и усмехалась. Кедр, кожа, дым, трагическое прошлое. Боже, почему почти все фэнтезийные мужики пахнут так, будто их собирали где-то на элитной лесопилке? Ещё немного — и Рита начнёт говорить, что у них не должен быть хищный взгляд, тёмная аура и голос, способный пробуждать древнюю магию.

Я откинулась на спинку кресла и наконец огляделась по сторонам. Аэропорт жил своей обычной бессмысленно-торопливой жизнью. Кто-то катил чемодан, кто-то ругался у стойки, кто-то пытался успокоить уставшего ребёнка, кто-то пил кофе. Мой багаж уже улетел в недра системы, до посадки оставалось меньше часа, и мне впервые за весь день стало немного легче. Самое сложное решение уже было принято. Я действительно летела на Алтай. Одна на два месяца. Писать роман, которого пока не существовало даже у меня в голове.

Драконы, между прочим, тоже молчали. Никакой великой идеи. Никакой сцены, с которой можно начать. Никакого озарения. Только горы, туманная надежда на вдохновение и ощущение, что я опять сбежала от собственной жизни под видом работы. Я прикрыла глаза, пытаясь хотя бы силой воли собрать в голове что-нибудь похожее на будущую книгу.

Допустим, горы. Допустим, древняя сила, спящая в камне. Допустим, герой, которого пробуждает не время, не заклятие и не кровь королей, а сама героиня — случайно, глупо и не вовремя. Допустим, он открывает глаза, и они светятся каким-нибудь потусторонним светом, а воздух вокруг начинает дрожать от магии.

«Нет», — мысленно сказала я себе, Рита меня убьёт. Я открыла глаза и поняла, что от сидения и размышлений умнее не стала, и решила, что мне срочно нужен кофе. Очень крепкий. Желательно такой, чтобы после него хотя бы один дракон в голове всё-таки очнулся. Я поднялась, закинула сумку на плечо и пошла к кофейне, стоявшей чуть поодаль, за рядом кресел.

Именно там я его и увидела. Не в киношном смысле — не так, чтобы вокруг всё замедлилось, свет изменился, а небеса торжественно разошлись в стороны, одобряя мой вкус. Нет. Мои ноги продолжали идти вперёд, люди всё так же шумели вокруг, объявления всё так же звучали под потолком, но где-то внутри я на секунду просто... зависла. Он сидел через несколько рядов от прохода, чуть в стороне от основного потока людей, в наушниках, с телефоном в руке и с таким видом, будто весь этот аэропорт существовал отдельно от него и к нему не имел никакого отношения. Первым я заметила даже не лицо, а широкие плечи, простая футболка не скрывала их, а наоборот, чётко подчёркивала. Сильная шея, загорелые руки. Спокойная, собранная посадка человека, который не суетится просто потому, что ему не нужно. На нём были брюки цвета хаки, тёмная футболка и какие-то неброские ботинки — всё настолько простое, что это только сильнее цепляло взгляд. Ни одной лишней детали, ни одного жеста напоказ. Тёмно-русые, чуть вьющиеся волосы, длиннее, чем принято у большинства мужчин, живые, небрежные, они лежали как хотели и из-за этого выглядели идеально.

Боже. Ну, конечно. Стоило улетать за тысячи километров, чтобы впервые за долгое время увидеть мужчину, на которого захотелось смотреть дольше, чем позволяют приличия и здравый смысл. Я тут же отвела глаза, будто меня кто-то поймал на месте преступления, и мысленно обругала себя. Спокойно, Лера. Просто мужик. Очень красивый мужик. Непозволительно красивый, если уж честно, но всё ещё просто мужик. Не древняя магическая сущность, не горный дракон и даже, скорее всего, не человек с трагическим прошлым, который пахнет кедром, дымом и моими будущими проблемами. Я сбилась с шага буквально на полсекунды, не больше. Потом всё-таки заставила себя идти дальше, дошла до кофейни и, чувствуя себя одновременно полной идиоткой и четырнадцатилетней школьницей, уткнулась взглядом в меню над стойкой.

— Американо, пожалуйста.

Пока готовили кофе, я честно пыталась смотреть куда угодно. На меню, витрину с сэндвичами, женщину с ребёнком за соседним столиком. На собственный телефон, где не происходило ровным счётом ничего интересного. Потом всё равно посмотрела на него.

Ну а что? Я же не пялюсь, я просто смотрю. Люди вообще иногда смотрят на других людей, это совершенно нормальное человеческое поведение, и, если конкретно этот человек по какой-то причине выглядит так, будто его собирали по моему персональному техническому заданию, я тут вообще ни при чём. Он всё так же сидел через несколько рядов, немного склонив голову к телефону. Полноразмерные наушники, одна рука лежала на бедре, вторая держала телефон, и даже в этой совершенно обычной позе было что-то такое, от чего хотелось возмутиться. Ну нельзя же быть настолько красивым. То есть можно, конечно. Вот же сидит. Но это как-то нечестно.

С такого расстояния я всё ещё не могла толком рассмотреть глаза, зато остального мне хватало с избытком. Прямой нос, высокие чёткие скулы, тяжеловатый мужской подбородок, лёгкая щетина и совершенно неприлично пухлые губы для лица, которое и без них выглядело так, будто его специально рисовали для обложки любовного фэнтези.

Божечки-кошечки.

Я отвела взгляд, получила свой кофе и ушла за свободный столик, стоявший так удачно, что, если смотреть немного в сторону от окна, очень случайно в поле зрения попадал и он. Я сделала глоток и через несколько секунд опять посмотрела.

Бля. Если бы овуляция была человеком, она выглядела бы примерно так. Я чуть не подавилась кофе от собственной мысли и уткнулась в стакан. Нет, ну правда. Вот я пишу мужиков. Годами сижу, придумываю эти плечи, скулы, волосы, тяжёлые взгляды, всякую херню про то, как героиня забывает дышать, когда он входит в комнату, а потом сама же думаю: ну да, конечно, в жизни таких не бывает. Бывают.

Один сидел сейчас метрах в пятнадцати от меня и листал что-то в телефоне. Мужик из моей книги сошёл со страниц и даже не удосужился сообщить мне об этом заранее. Я снова посмотрела на него и тут же поймала себя на мысли, что делаю это уже в который раз. Так, Лера. Всё! Харэ. Красивый мужик. Очень красивый мужик. Восхитительно красивый мужик. Мужик, ради которого где-нибудь в интернете совершенно незнакомые женщины наверняка готовы были бы устроить небольшую гражданскую войну. Но всё ещё просто мужик.

И вообще, интересно, что должно произойти в жизни, чтобы такой посмотрел на меня? Я тут же поморщилась. Вот нахуя я это подумала? Ну, серьёзно. Мне тридцать один, у меня нормальная жизнь, нормальная работа, свои деньги, свои мозги, и я взрослый человек. Я не должна сидеть в аэропорту и оценивать собственную вероятность понравиться незнакомому мужику, как будто мне шестнадцать и он капитан школьной футбольной команды. Но одно дело — что я должна. И совершенно другое — как работает мой мозг, когда перед ним внезапно появляется вот такое. Я снова посмотрела. Он даже головы не поднял.

— Ну и слава богу, — пробормотала я себе под нос и отпила кофе.

Потому что если бы он сейчас посмотрел, я, скорее всего, сначала сделала бы вид, что вообще смотрела куда-то за его плечо, потом зачем-нибудь полезла в телефон, а после этого ещё минут десять ненавидела бы себя за то, что веду себя как ебанутая. Из динамиков под потолком раздалось объявление. Я сначала не вслушалась, продолжая ковыряться в телефоне, а потом услышала номер своего рейса и выпрямилась. Начиналась посадка.

Ну наконец-то!

Я допила остатки кофе, поднялась, поправила сумку и вместе с остальными пассажирами двинулась к выходу. И сразу увидела, как поднялся он. Я остановилась буквально на полшага. Да ладно. Нет. Я ещё раз посмотрела на табло над выходом, потом на него, потом снова на табло, словно за эти две секунды номер рейса мог измениться.

— Да ты издеваешься, — тихо сказала я.

Мы ещё и летели в одно место. Когда он сидел, я и так понимала, что мужчина крупный, но стоило ему встать, как выяснилось, что слово «крупный» вообще-то было очень скромным. Высокий. Широкий. Не раскачанный до абсурда, не похожий на человека, который живёт между зеркалом и банкой протеина, а просто... мощный. Такой, рядом с которым особенно остро вспоминаешь, что природа решила делать людей разного размера. Он убрал телефон в карман, снял наушники на шею и тоже направился к выходу. Я спокойно встала в очередь. Ну, внешне. Внутренне у меня происходило примерно:

Божечки-кошечки, он сейчас будет рядом.

Потом:

Лера, тебе вообще всё равно.

Ещё через секунду:

Нет, не всё равно.

И финальное:

Господи, только не веди себя как идиотка.

Очередь медленно подтягивалась к стойке. Кто-то полез вперёд, кто-то перекладывал документы из одного кармана в другой, женщина впереди меня долго искала посадочный, а я стояла и старательно не выясняла, где находится мужчина. Думаю, получалось плохо. Он оказался немного впереди, в соседней части очереди. Потом люди сдвинулись. Он повернулся. И тогда мы впервые посмотрели друг на друга. Всего секунду, наверное, даже меньше. Но этого хватило, чтобы я наконец увидела его глаза.

Они оказались большими для такого жёсткого, мужского лица, чуть шире посаженными, чем обычно, из-за чего взгляд был каким-то особенно цепляющим. И зелёными. Не яркими, не изумрудными, не тем фэнтезийным зелёным цветом, которым я регулярно издевалась над собственными героями. Скорее сложными — зелёными с приглушённым болотным, почти хаковым оттенком. Он просто скользнул по мне взглядом. Без улыбки или интереса, который я могла бы себе придумать. Посмотрел — и отвернулся. А я продолжала стоять с телефоном в руке. Ну всё, приехали.

Теперь ещё и глаза.

Глава 1

«Дракон пробудится лишь тогда, когда к его алтарю придёт девственница, в жилах которой сохранилась кровь Первых. Но древнее пророчество умалчивало о главном: разбудив зверя, она навеки свяжет с ним не только свою силу, но и собственное сердце».

Я поставила точку и ещё несколько секунд смотрела на последнюю строчку.

— Хм.

Перечитала. Потом ещё раз.

— А неплохо.

Вообще-то очень даже неплохо. Я откинулась на спинку стула и довольно потянулась, сцепив руки над головой. Вот и говори после этого, что человеку не надо менять обстановку. Надо. Очень даже надо. Две недели назад у меня не было ничего, кроме приблизительного понимания, что где-то должны быть горы, где-то в этих горах должен жить дракон, а ещё желательно, чтобы он был красивым мужиком хотя бы половину книжного времени, потому что я всё-таки не настолько талантлива, чтобы продать читательницам четыреста страниц сексуального напряжения между женщиной и ящерицей. А сейчас у меня уже было почти сто пятьдесят тысяч знаков. Алтай, горы и воздух работали. Даже отсутствие привычной городской жизни, от которого первые три дня мне хотелось лезть на стену, в итоге, кажется, работало тоже.

Я посмотрела на план книги, приклеенный сбоку от ноутбука. Если не начать страдать хуйнёй, не убить внезапно какого-нибудь героя, не передумать насчёт финала и не решить на двухсотой странице, что вся история вообще должна была быть от лица дракона, я даже укладывалась в сроки. Телефон, лежавший рядом с чашкой давно остывшего кофе, завибрировал. На экране высветилось:

Рита.

Я посмотрела на часы. Ну, конечно, стоило только подумать, что всё идёт хорошо.

— Да?

— Ты занята?

— Нет, Рит, я живу в алтайской деревне специально для того, чтобы сидеть и ждать твоего звонка. Конечно, занята. Я пишу.

— Значит, можешь разговаривать.

— Вот потрясающая у тебя логика.

Я сохранила документ, закрыла ноутбук и поднялась из-за стола.

— Я прочитала то, что ты вчера прислала.

— И?

— В целом хорошо.

Я остановилась.

— Так. Нет. Вот это твоё «в целом хорошо» мне сразу не нравится. Когда тебе действительно хорошо, ты говоришь «хорошо». Когда ты говоришь «в целом хорошо», дальше обязательно идёт какой-нибудь пиздец. Давай уже. Что не так?

Рита рассмеялась.

— Ничего плохого, но у меня есть вопросы.

— Конечно, у тебя есть вопросы. У тебя работа такая — находить вопросы там, где нормальный человек спокойно перевернул бы страницу и пошёл дальше.

Я вышла на небольшую веранду и прислонилась плечом к косяку. За две недели вид отсюда так и не успел мне надоесть. Горы начинались сразу за посёлком, зелёные, огромные, местами уже подёрнутые лёгкой голубоватой дымкой. Ни одна фотография, которую мне показывали перед поездкой, почему-то не объясняла главного — насколько они здесь ощущались

близко. Они не были фоном. Они всё время присутствовали рядом, даже когда я на них не смотрела.

— В третьей главе, — начала Рита, — у тебя Марьяна узнаёт, что её мать принадлежала к хранителям.

— Ну.

— А через две страницы совершенно спокойно принимает то, что сама может открыть храм.

— Ну да.

— Почему?

Я нахмурилась.

— В смысле почему?

— В прямом Лера, она пять минут назад считала себя обычным человеком.

— Ну не пять минут. Там прошло несколько часов.

— Тем более. Несколько часов назад она считала драконов мифом. Потом выяснилось, что драконы существуют, мать ей врала всю жизнь, сама она какая-то последняя хранительница, а дальше она такая: хорошо, куда мне там приложить ладонь, чтобы открыть древнюю дверь?

— Ну, а что ей делать?

— Вот это я у тебя и спрашиваю.

Я закатила глаза и пошла босиком по прохладным доскам веранды.

— Рит, ну в смысле? Что ей делать? Сесть на камень и три главы рефлексировать? Она в ситуации находится. Там на них эти идут.

— Какие «эти»?

— Да боже, им название ещё надо придумать. Которые за ней охотятся. Теневые эти.

— Прекрасно. Главных злодеев ты называешь «эти».

— Я книгу пишу, а не энциклопедию. Придумаю.

— Вот когда придумаешь, тогда и поговорим.

— Нет, подожди. Ты мне сейчас про Марьяну скажи. Я не понимаю, чего ты от неё хочешь. Вот если я, например, узнаю, что моя мать всю жизнь от меня скрывала, что я могу открыть дверь в какой-нибудь древний храм, и за мной при этом кто-то гонится, я не буду сидеть и говорить: «Мне необходимо время, чтобы осмыслить произошедшее». Я пойду и открою эту ебаную дверь. А осмысливать буду потом, когда меня перестанут пытаться убить.

На том конце повисла короткая пауза.

— Вот это и напиши.

— Что?

— Не про дверь, хотя можешь и про неё. Дай ей эту логику внутри сцены. Сейчас она просто принимает информацию, потому что тебе нужно двигать сюжет. А если она сама подумает: «разбираться буду потом, сейчас надо выжить», это уже её решение.

Я немного помолчала.

— Ладно, ты права.

— Можно повторить?

— Пошла в жопу.

— Всё, теперь узнаю своего автора.

Я улыбнулась.

— И ещё, — сказала Рита.

— Ну конечно ещё. Почему нельзя было остановиться на том, что ты один раз оказалась права?

— В пятой главе дважды объясняется пророчество.

— Потому что второй раз она узнаёт его полностью.

— Тогда в первый убери половину.

— Не хочу.

— Лера.

— Мне нравится первый кусок.

— Лера.

— Он атмосферный.

— Он повторяет второй. Убирай.

Я тяжело вздохнула, хотя уже прекрасно понимала, что вечером открою текст, почитаю оба места и, скорее всего, первое действительно вырежу. Вот что особенно бесило в редакторах: иногда они были правы.

— Всё?

— Почти. Мне нравится дракон.

— Спасибо.

— Но пока он у тебя слишком правильный.

— Это как?

— Он древний, опасный, невероятно сильный, высокомерный, красивый...

— Ну естественно красивый. Рита, я же не зря вообще эту книгу пишу.

— ...и пока у него нет ни одного качества, которое реально мешает ему жить.

— Он превращается в дракона.

— Для него это не проблема.

— Для окружающих вполне может стать.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

Понимала. Я нахмурилась и посмотрела в сторону гор.

— Ладно. Я подумаю.

— Вот теперь всё.

— Слава богу.

— Как ты вообще там?

Вопрос прозвучал уже совершенно другим тоном. Я машинально обвела взглядом двор. Небольшой деревянный дом, который я сняла на два месяца, старый сарай, стопка дров под навесом, трава за забором. Где-то через несколько домов лаяла собака. Ещё дальше кто-то заводил машину.

— Нормально.

— Не скучно?

— Да нет. Я же пишу.

— Это не ответ.

— Ну, а что тебе сказать? Да, иногда скучно. Я сюда не на фестиваль приехала. Тут, если я вечером хочу куда-нибудь выйти, единственное увеселительное заведение — магазин, который до девяти работает. Очень удобно, кстати. Можно красиво одеться и сходить за хлебом.

Рита рассмеялась.

— Уже познакомилась с кем-нибудь?

— С продавщицей и её котом. Кота, по-моему, зовут Валера.

— А тот красавец из аэропорта?

Я замерла.

— Какой красавец?

— Которого ты мне полчаса описывала после прилёта.

— Я тебе не полчаса его описывала.

— Тридцать семь минут.

— Ты засекала, что ли?

— Я редактирую твои книги десять лет. Конечно, я засекаю.

— Не видела я его больше.

И посмотрела на дорогу за калиткой, словно после этих слов тот самый мужчина должен был пройти мимо. За две недели я действительно его больше не встретила. И это было совершенно нормально. Алтай большой, людей много. Человек мог вообще пересесть здесь на машину и уехать за несколько сотен километров. Я даже не знала, куда именно он пошёл, потому что после посадки решила не заниматься сталкерством и некоторое время демонстративно не смотрела в его сторону. Ну ладно. Почти не смотрела.

— Всё, Ритун. Мне надо в магазин сходить, пока он не закрылся.

— Сейчас середина дня.

— Надо успеть.

— Хорошо. Исправления посмотри.

— Посмотрю.

— И пришли мне следующие главы не через две недели.

— Я тебе три дня назад отправляла.

— Для тебя это ничего не значит.

— Пока.

Я сбросила вызов.

Минут через двадцать я уже стояла возле местного магазина и смотрела на два пакета. В магазин я пришла за водой, хлебом и молоком. Вышла с водой, хлебом, молоком, овощами, фруктами, сыром, печеньем, кофе, каким-то местным мёдом, который мне очень убедительно продала женщина за прилавком, и огромным арбузом. Арбуз был ошибкой. Я поняла это сразу, как только попыталась одновременно взять пакеты и его.

— Давайте помогу.

Я подняла голову. Рядом стоял мальчишка — лет восемнадцати, может, девятнадцати, высокий, худой, уже хорошо загоревший, с совершенно белёсыми от солнца волосами и россыпью веснушек поперёк носа.

— Не надо, я донесу.

Я опять попыталась взять арбуз. Он посмотрел на мои пакеты. Потом на арбуз и опять на меня.

— Донесёте, только раза за три.

Я усмехнулась. Из дверей магазина выглянула продавщица.

— Тимош, да помоги ты ей. Она тут недалеко живёт, в доме тёти Нины.

— Да я помогу.

— Мне неудобно, — сказала я. — Правда. Я сейчас как-нибудь перераспределю. Арбуз можно, не знаю... Боже, зачем я вообще его купила? Я его даже одна не съем. Хотя съем. За два дня съем. Это вообще сейчас неважно.

Тимоша уже спокойно забрал у меня оба тяжёлых пакета.

— Арбуз берите.

— Нет, давай хотя бы один пакет мне.

— Да нормально.

— Нет, ну в смысле нормально? Ты сейчас всё тащишь, а я рядом с арбузом иду такая прекрасная. Это уже какой-то крепостной строй.

Он засмеялся.

— Вы же недалеко.

— Да вон туда, — махнула я рукой. — Минут пять.

Мы пошли вдоль дороги. Некоторое время молчали, а потом Тимошка спросил:

— Вы отдыхать приехали?

— Нет, наоборот, работать приехала. Я книгу пишу. Я писательница вообще. Фэнтези пишу, любовное в основном. Сейчас вот про драконов. Решила, что раз драконы у меня гор-

ные, значит, надо ехать в горы. Хотя, если честно, это было уже объяснение постфактум. Мне сначала просто захотелось куда-нибудь уехать подальше, а потом я придумала, что это всё ради вдохновения. Так гораздо солиднее звучит. Не «мне надоели люди, и я сбежала», а «творческая поездка на Алтай». Чувствуешь разницу?

Он покосился на меня и улыбнулся.

— Чувствую.

— Вот. Я тоже. Поэтому официальная версия — приехала вдохновляться. Я тут на два месяца. Уже две недели сижу. И, кстати, работает. Я за две недели написала больше, чем до этого за месяц дома. Хотя, может быть, дело не в горах, а в том, что здесь никто не зовёт меня куда-нибудь выпить. Но хочется думать, что горы.

— А про что книга?

— Про дракона.

— Это я понял.

— Нет, ну если подробно, там есть девушка, естественно, потому что без девушки это был бы какой-то документальный фильм про драконов. Есть древний дракон, есть пророчество, магия, люди, которые хотят всех убить, потому что людям в фэнтези почему-то никогда нормально не живётся. Она его случайно пробуждает. Теперь я пытаюсь придумать, почему он не может просто развернуться, улететь и оставить её разбираться со своими проблемами самостоятельно, потому что если разобраться логически, именно так любой вменяемый человек и сделал бы.

Тимошка рассмеялся.

— А он человек?

— Иногда.

— Как это?

— Ну превращается. Дракон — мужик, мужик — дракон. Классика. Не буду же я четыреста страниц писать любовную линию с ящером. Хотя знаешь, интернет и не такое переживал.

Он заржал в голос.

Мне вдруг стало удивительно легко. Мы знали друг друга всего несколько минут, но после двух недель, за которые я всё проговаривала либо в телефон, либо самой себе, даже такой разговор оказался приятным. Иногда человеку вообще не нужен какой-то глубокий собеседник или важная тема. Достаточно, чтобы рядом просто шёл другой живой человек, нёс твои продукты и время от времени что-нибудь отвечал.

— А вы известная? — спросил Тимошка.

Я задумалась.

— Это сложный вопрос.

— В смысле?

— Ну вот для тебя, например, явно нет.

Он смутился.

— Я просто не читаю особо.

— Боже, да всё нормально, я же тебя не экзаменую. Для своей аудитории — да, известная. Книги издают, покупают, иногда люди подходят фотографироваться. Иногда пишут, что благодаря мне они не спали до четырёх утра, и считают, что это лучший комплимент. Поэтому да, наверное, известная.

— А под каким именем книги выходят? — спросил Тимошка.

— Под псевдонимом.

— Это я понял.

Я покосилась на него.

— Ну мало ли. Может, ты подумал, что у меня прямо в паспорте написано что-нибудь вроде Эйвара Вейр.

Он чуть повернул голову.

— Как?

— Эйвара Вейр.

Тимошка несколько секунд молчал.

— Это вы?

— Нет, это моя вторая личность. Конечно, я.

— Я просто имя такое первый раз слышу.

— Так в этом весь смысл. Представь книжный магазин. Стоит женщина, выбирает любовное фэнтези. Слева у неё Валерия какая-нибудь, справа — Эйвара Вейр. Кто из нас, по-твоему, лучше разбирается в драконах?

Он засмеялся.

— Эйвара.

— Вот. Маркетинг. А ты думал, мы там исключительно высоким искусством занимаемся? Нет. Мы ещё очень стараемся красиво подписать то, что потом людям продавать.

— А настоящее имя вы скрываете?

— Да нет. Какой смысл его скрывать? Я не шпион. Меня на мероприятиях нормальным именем представляют, в соцсетях все знают, как меня зовут. Просто начинала когда-то под псевдонимом, потом он уже прилепился, книги под ним выходят, читатели его знают. Менять поздно. Да мне и нравится, если честно. Есть в этом что-то приятное: дома ты сидишь с гулькой на голове и жрёшь бутерброд над клавиатурой, а где-то там в интернете существует загадочная Эйвара Вейр, которая пишет про великие страсти, драконов и мужчин с идеальными скулами.

Тимошка снова рассмеялся.

Хороший у него был смех — лёгкий, мальчишеский. И сам он рядом со мной очень быстро перестал ощущаться незнакомцем. Наверное, потому что в нём вообще не было дурацкого желания произвести впечатление. Он не задавал никаких слишком личных вопросов, не пытался шутить с намёком, не разглядывал меня так, чтобы захотелось одёрнуть футболку. Просто шёл рядом и нёс мои пакеты. Причём оба. Я несколько раз предлагала забрать хотя бы один, но Тимошка каждый раз отвечал одинаково:

— Да нормально.

Удивительное поколение всё-таки росло. Я в его возрасте половину человечества мысленно уже отправила бы нахер только за необходимость тащить чужой арбуз.

— А вы надолго здесь? — спросил он.

— На два месяца. Ну, уже меньше получается, потому что две недели я здесь прожила. Так что ещё месяца полтора где-то. Если книгу закончу раньше, может, раньше уеду, хотя я себя знаю — не закончу. Потому что сначала всё идёт прекрасно, я такая: боже, какая я молодец, да я вообще сейчас за три недели всё напишу, а потом начинается одна глава, которую я переписываю четыре дня, потом внезапно оказывается, что герой не мог знать то, что он знает, потом редактор находит дыру размером с этот Алтай, и всё. В итоге последние три дня я не сплю и торжественно обещаю себе в следующий раз начать заранее.

— И каждый раз так?

— Каждый. Причём каждый раз я абсолютно искренне верю, что теперь-то я взрослая ответственная женщина и всё будет по-другому.

— Не получается?

— Ни разу.

Он улыбнулся.

Мы свернули с основной дороги, и впереди уже показался мой забор.

— Вон тот дом, — сказала я. — С зелёной калиткой. Всё, слушай, спасибо тебе огромное. Я бы, конечно, донесла, но, скорее всего, к ночи и без арбуза.

— Да не за что.

Я открыла калитку и придержала её, пропуская Тимошку во двор. Он вошёл только до крыльца. Поднялся на две ступеньки, аккуратно поставил пакеты возле двери, сверху пристроил хлеб, который каким-то чудом за всю дорогу даже не помял, и только потом забрал у меня арбуз.

— Сюда?

— Да, сюда. Спасибо. Правда. Ты меня очень выручил.

— Не за что.

Он спустился со ступенек.

— Если что понадобится — скажите.

— В смысле?

— Ну мало ли. Вы тут одна. Дрова, вода, что-нибудь принести, починить. У нас посёлок маленький, всё равно все друг друга знают.

— А-а. Нет, пока вроде всё работает. Но спасибо, буду иметь в виду.

Я уже собиралась попрощаться, но вдруг вспомнила:

— Подожди. А тебя Тимофей полностью зовут?

— Да.

— Всё, отлично. А то я сейчас через три дня встречу тебя в магазине и буду стоять: «Этот... как тебя... мальчик с арбузом». У меня чудовищная память на имена. Тимофей я запомню. Наверное.

Он улыбнулся.

— Тогда до свидания.

— Давай. И ещё раз спасибо.

Тимошка вышел за калитку, прикрыл её за собой и пошёл обратно по дороге. Я некоторое время смотрела ему вслед, потом перевела взгляд на два огромных пакета и арбуз у собственных ног.

Хороший мальчишка. Вежливый.

И ведь даже не попытался зайти в дом, телефон попросить, соцсети посмотреть, ещё что-нибудь. Просто помог незнакомой женщине донести продукты и ушёл. Может, всё-таки не совсем потеряно наше молодое поколение.

Потом посмотрела на арбуз.

— А вот с тобой мы сейчас отдельно поговорим.

И нагнулась за пакетами.

Глава 2

Спустя четыре дня я поняла, что если ещё хотя бы час просижу за тем же столом выброшу ноутбук в окно. Я уже минут двадцать переставляла один и тот же абзац с места на место, сначала решила, что он прекрасен, потом — что он отвратителен, потом вернула всё обратно и в итоге получила ровно тот же текст, с которого начала.

— Всё, — сказала я ноутбуку. — Ты победил. Мне надо от тебя отдохнуть.

Ноутбук не возражал.

Я сунула его в сумку, захватила бутылку воды и вышла из дома. За последние две недели я успела выяснить, что прогулка здесь обычно заканчивалась одним из двух: либо я каким-то образом опять оказывалась у магазина, либо уходила к воде. Магазин сегодня меня совершенно не интересовал, потому что после прошлого раза у меня до сих пор лежала половина того несчастного арбуза.

Поэтому я пошла к пристани. Там было почти пусто. На самом конце деревянного настила сидел какой-то мужчина с удочкой, возле берега покачивались две лодки, а чуть дальше от воды стояла старая лавка, которую я сразу мысленно объявила своим рабочим кабинетом.

Я устроилась на ней, поставила ноутбук на колени и минут пять честно работала. Потом посмотрела на воду. Ещё минут пять работала. Посмотрела на горы. Написала предложение — удалила предложение.

— Охуенно продуктивно, Лера, — пробормотала я себе под нос.

Со стороны озера раздался звук мотора. Я сначала не обратила внимания, но лодка подошла ближе, сбросила скорость и направилась к пристани. В ней сидели трое парней.

Тимофея я узнала сразу. Белёсые волосы на солнце выглядели почти белыми, и даже отсюда было видно его веснушчатое лицо.

Он тоже меня заметил.

— Лера!

Я подняла руку.

— О, спаситель арбузов!

Тимошка засмеялся. Лодка ткнулась бортом в деревянный край. Один из парней ловко перепрыгнул на настил и придержал её, пока второй подал ему верёвку. Тимоша выбрался последним.

— Работаете? — спросил он, кивнув на ноутбук.

— Это очень громкое слово для того, чем я сейчас занимаюсь. Я уже полчаса сижу над одним абзацем и пока добилась только того, что начала его ненавидеть. Поэтому да, официально — работаю.

— А сюда зачем пришли?

— Я решила, что на свежем воздухе мне станет легче писать.

— Стало?

— Нет. Но зато теперь я не пишу с красивым видом.

Он опять рассмеялся.

Двое остальных тем временем начали вытаскивать из лодки вещи. Один — крепкий русый парень примерно того же возраста, что Тимошка, — поднял большую пластиковую канистру. Второй был выше и худее, с тёмными волосами, выгоревшими на концах от солнца.

Тимошка заметил мой взгляд.

— Это Костя, это Пашка.

Оба посмотрели в мою сторону.

— Здравствуйте, — сказал Костя.

— Здрасте, — почти одновременно отозвался Паша.

Я моргнула.

— Господи, какие вы все воспитанные. Мне уже даже неудобно материться.

Костя усмехнулся, но ничего не сказал. Тимошка пожал плечами:

— А мы вам не мешаем.

— Нет, вы мне вообще не мешаете. Мне текст мешает. Вы как раз единственные люди за последние минут сорок, которые меня не раздражают.

— А дракон?

— Вот дракон и раздражает больше всех.

— Что опять сделал?

Я закрыла ноутбук.

— Ничего. В этом и проблема. Стоит, красивый, древний, величественный и категорически отказывается участвовать в сюжете. Я ему уже и женщину дала, и пророчество дала, и врагов дала. У любого нормального человека от такого количества проблем уже случился бы нервный срыв, а этот стоит на горе и загадочно смотрит вдаль. Я, видимо, слишком хорошо его воспитала.

Тимошка рассмеялся. Костя, проходя мимо с ящиком, тоже улыбнулся.

— Может, убить его? — предложил Тимошка.

Я посмотрела на него с ужасом.

— Ты нормальный вообще? Я сто страниц про него написала.

— Тогда пусть живёт.

— Вот именно. Хорошо, что мы разобрались.

Он на секунду повернулся к ребятам:

— Паш, тот ящик тоже сюда.

— Угу.

Мне понравилось наблюдать за ними. Не в каком-то особом смысле. Просто трое пацанов лет восемнадцати-девятнадцати спокойно занимались своими делами, никто не орал друг на друга, не выяснял, кто что должен нести, не изображал из себя героя. Один подал другому ящик, второй придержал лодку, третий сразу подхватил канистру. И, что особенно удивительно, никто даже через слово не матерился. На их фоне я начинала казаться человеком, воспитанным где-то в подворотне.

— Вы вообще местные все? — спросила я.

— Да.

— Прям здесь родились?

— Ну да. Костя вон в соседнем посёлке жил маленький, потом сюда переехал. А мы с Пашкой здесь.

— И вам не скучно?

Тимошка посмотрел на меня так, будто вопрос был странным.

— А чего скучно?

— Ну не знаю. Мне восемнадцать если бы было, я бы, наверное, отсюда уже в город рванула. Хотя нет. В восемнадцать я вообще не знала, чего хочу, так что, скорее всего, сначала рванула бы, потом вернулась, потом опять рванула. Я просто представляю: зимой здесь что делать?

— Жить.

Я рассмеялась.

— Прекрасный ответ.

Он улыбнулся.

— Мы привыкли. Тут нормально.

— А учитесь где?

— Кто где. Я поступил, осенью уеду. Пашка тоже. Костя пока здесь останется.

— А-а. То есть это у вас последние каникулы перед взрослой жизнью?

— Типа того.

— Соболезную. Дальше только коммуналка, работа и понимание, что никто вообще не знает, что делает.

Тимошка хмыкнул.

— Вы тоже?

— Особенно я. Просто взрослые очень хорошо научились делать лицо, будто всё под контролем.

Костя что-то негромко сказал Паше. Тот рассмеялся, и они вдвоём понесли вещи вверх от пристани. Тимошка задержался рядом.

— А вы часто сюда приходите?

— Первый раз с ноутбуком. Думаю теперь завести традицию. Правда, если завтра я опять ничего не напишу, традиция закончится довольно быстро.

Он кивнул на озеро:

— Здесь дальше места красивее есть.

— Куда уж красивее?

— Есть.

— Ну конечно. Я две недели живу и уже решила, что всё видела, а сейчас местный человек сообщает мне, что я вообще стою не там.

— Вы далеко не ходили?

— Нет. Я, во-первых, работаю. Во-вторых, я одна. Я же не совсем ебанутая, чтобы лезть куда-то в лес, который не знаю. У меня очень богатое воображение. Я через десять минут начну слышать медведя в каждом кусте, а через двадцать напишу завещание в заметках телефона.

Он улыбнулся.

— Там на лодке можно.

— Вот лодкой меня вообще пока никто не заманивал.

Тимошка пожал плечами.

— Мы часто ходим. Если захотите, можем как-нибудь показать.

Я посмотрела на него.

Предложение прозвучало настолько буднично, что даже не воспринималось приглашением куда-то от незнакомого мужчины. Скорее как если бы сосед сказал: *мы всё равно едем в магазин, можем вас подбросить*.

— Ну, может быть, — сказала я. — Я пока сначала книгу попробую написать. А то получится прекрасная творческая поездка: приехала за вдохновением, два месяца каталась по озеру, вернулась без романа.

— Зато с фотографиями.

— Рита меня ими и похоронит.

Сверху окликнули:

— Тим!

— Иду!

Он обернулся, потом снова посмотрел на меня.

— Ладно. Не буду мешать дракону.

— Да ему уже ничем не поможешь.

Тимоша засмеялся и пошёл вслед за ребятами.

Я открыла ноутбук и посмотрела на последний абзац. Потом вслед уходящим мальчишкам. Я почему-то ожидала от восемнадцатилетних пацанов гораздо большего количества идиотизма. А эти даже разговаривали со мной так, будто их где-то специально учили обращаться со взрослыми женщинами.

Я снова перевела взгляд на текст.

— Так, дракон. Видел? Люди работают. Давай и ты, сука, включайся.

И поставила пальцы на клавиатуру.

Тётя Нина появилась после обеда без предупреждения, как, впрочем, появлялась здесь вообще вся местная жизнь. Я сидела на веранде с ноутбуком, когда калитка скрипнула и из-за неё показалась сначала клетчатая сумка, а потом сама хозяйка дома.

— Ты дома, Лерочка?

— А куда я денусь? Конечно, дома.

Я захлопнула ноутбук и поднялась.

— Вы чего мне опять несёте? Я вам говорила, у меня еды на случай ядерной войны уже.

— Да какая еда, — отмахнулась тётя Нина, ставя сумку на стол. — Яиц десяток. Мне Валька дала, у неё куры несутся нынче, девать некуда. Возьми, а то пропадут.

— Как у вас тут всё интересно устроено. У одного яблоки пропадают — они соседям. У другого яйца — тоже соседям. Я чувствую, скоро перестану ходить в магазин и начну жить исключительно за счёт местного натурального обмена.

— А ты и не таскай из магазина-то всё подряд, — совершенно серьёзно ответила она. — Скажи, чего надо. Тут всё найдётся.

— Вот вы сейчас очень опасные вещи говорите человеку, который любит халяву.

Тётя Нина хмыкнула, будто прекрасно понимала, что никакой опасности от меня нет, и прошла на веранду. Она была невысокая, плотная, с седыми волосами, всегда собранными в один и тот же тугой пучок, и разговаривала так, что половина её фраз начиналась с «дак», а вторая половина заканчивалась «так», словно продолжение я должна была додумать сама.

— Вода-то идёт хорошо?

— Идёт.

— Не рывками?

— Нет.

— Газ глядела?

— Тётя Нин, я к нему вообще не подхожу. Он работает — и прекрасно. Мы с ним договорились друг друга не трогать.

— Ой, городски-и-е, — протянула она с лёгким укором. — Чего там подходить-то?

— Вот поэтому я и снимаю дом у человека, который знает, чего там подходить.

Она засмеялась. Мы ещё пару минут обсуждали совершенно жизненно важные вещи — где лучше брать творог, почему в магазине сегодня не было нормального хлеба и отчего я, по мнению тёти Нины, совершенно зря хожу дома босиком, потому что «земля уж холодна по утрам».

В этот момент за забором послышались голоса. Я машинально посмотрела в сторону калитки. По дороге шли трое. Тимошку я узнала сразу. Он был с теми двумя мальчишками с пристани — Костей и Пашкой. Что-то обсуждали между собой, смеялись. Тимошка заметил меня через невысокий забор и поднял руку.

— Лера!

Я тоже махнула.

— Привет!

Паша кивнул, Костя тоже поднял руку, и вся троица прошла дальше.

— Тимошка, — сказала я скорее самой себе. — Хороший мальчишка. Он мне продукты недавно до дома тащил. А то я, как идиотка, купила арбуз и два пакета, а потом только поняла, что рук у меня почему-то всё ещё две.

Тётя Нина посмотрела вслед мальчишкам.

— Тимка-то? Ладный.

— Вот и мне понравился. Вежливый такой. Они вообще все какие-то... я даже не знаю. Я рядом с ними чувствую, что меня родители плохо воспитали. Я матерюсь через слово, а они мне: «Здравствуйте, Лера», «до свидания, Лера». У меня скоро комплекс начнётся.

Тётя Нина усмехнулась.

— Их дед старый так держал. Чтоб старшим не дерзили. Там с этим строго было.

— А они родственники?

— Не-е. Чего родственники. Просто вместе росли, с малолетства втроём. Куда один — туда другие.

— А. Я почему-то думала, они родня. Есть что-то у них общее.

— Есть, — спокойно сказала она. — Сбились ещё щенками, так и ходют кучей.

— И прям всё время вместе?

— Почитай. Пашка с Тимкой совсем мелкие ещё вместе бегали, Костя потом к ним прибился. В школу вместе, на озеро вместе, по дворам вместе. Их раньше матери домой по очереди собирали: одного найдёшь — считай, всех троих нашла.

Я рассмеялась.

— Удобно. Не дети, а комплект.

— Ага. Только попробуй этот комплект летом по домам загнать. Утром ушли — к вечеру где-нибудь объявятся. То рыба, то лодка, то ещё чего удумают.

— Ну слушайте, я в восемнадцать тоже домой исключительно по необходимости возвращалась. Если бы у меня вместо двора между пятиэтажками было вот это всё, — я махнула в сторону гор, — меня бы родители вообще только зимой видели.

— Да чего им дома сидеть-то? — пожала плечами тётя Нина. — Молодые. Пока можно, пускай бегают. Осенью уже разъедутся кто куда.

— Тимошка говорил, что поступил.

— Поступил. Мать ходит — то радуется, то вздыхает. Вроде сама хотела, чтоб учился, а теперь говорит: дом пустой будет.

— Ой, это классика. Сначала восемнадцать лет растишь человека со словами: «Господи, когда ты уже станешь самостоятельным», а потом он становится самостоятельным, и ты такая: «Нет, подожди, я передумала».

Тётя Нина усмехнулась.

— У тебя дети то есть?

— Нет. Поэтому я сейчас очень уверенно рассуждаю о воспитании чужих.

— А-а, — протянула она с таким пониманием, будто это действительно многое объясняло.

— Вот не надо на меня так смотреть. Я писатель. У нас вообще профессия построена на том, что мы ничего сами не пережили, но обо всём имеем мнение.

Она засмеялась и наконец открыла свою сумку.

— На вот лучше.

На стол легла небольшая банка с чем-то густым, тёмно-красным. Я посмотрела сначала на неё, потом на тётю Нину.

— Что это?

— Варенье из жимолости. Нынче урожай хорош.

— А-а. Вот теперь понятно, зачем вы пришли. Я-то думала, яйца принесли, про воду спросили, жизнь обсудили. Нет. Вы просто медленно расширяете мою продуктовую зависимость от этого посёлка.

Тётя Нина ещё немного постояла на крыльце, дала наставления по моему питанию и ушла так же внезапно, как появилась, оставив после себя десяток яиц, банку варенья и ощущение, что я каким-то непостижимым образом обзавелась на Алтае ещё одной родственницей.

Я проводила её до калитки и вернулась на веранду. Ноутбук всё ещё лежал там, где я его оставила. На экране застыл недописанный абзац, дракон по-прежнему категорически не желал делать то, что от него требовал сюжет, а рядом теперь стояла банка жимолостного варенья.

Я села, придвинула ноутбук и посмотрела на текст.

— Ну что, — сказала я дракону. — Поработаем?

За окном хлопнула чья-то калитка, по дороге проехала машина, где-то снова залаяла собака. Я поставила пальцы на клавиатуру. На этот раз дракон всё-таки сдвинулся с места.

Глава 3

— Тимоша, ну ё-моё, сколько тебя можно ждать-то?

Я стояла возле поленницы, уперев руки в бока, и смотрела, как он неспешно идёт ко мне через двор.

— Я уже, между прочим, женщина нервная. Ты меня в таком возрасте заставляешь ждать мужчину с топором — это вообще некрасиво.

Тимошка рассмеялся и перехватил топор поудобнее.

— Я на десять минут опоздал.

— На двенадцать.

— Вы считали?

— Конечно считала. Мне заняться же больше нечем. Я с девяти утра сижу у окна и думаю: где Тимофей? Жив ли Тимофей? Не забыл ли Тимофей, что мне нужно протопить баню?

— Я вам вчера сказал, что приду.

— Все вы сначала говорите.

Он остановился рядом и посмотрел на меня с таким выражением, будто я опять устроила представление на ровном месте. Что, в общем-то, было недалеко от истины. За последние недели Тимошка успел каким-то незаметным образом перейти из категории «вежливый мальчик, который помог донести продукты» в категорию людей, с которыми я разговаривала так, словно знала их полжизни.

Возможно, дело было в том, что он появлялся постоянно. То мимо проходил. То заходил вместе с Костей и Пашкой. То приносил что-нибудь от матери или бабушки. То помогал тёте Нине с хозяйством и заодно заглядывал ко мне или просто останавливался возле калитки перекинуться парой слов.

А возможно, дело было во мне. Потому что за полтора месяца я успела выяснить одну неприятную вещь: сколько бы человек ни рассказывал всем, что прекрасно чувствует себя один, через несколько недель начинает радоваться даже тому, что кто-то пришёл порубить ему дрова.

— Так, — сказала я, указывая на поленницу. — Мне сегодня надо и сюда, и в баню.

— Легко.

Он присел возле чурок, выбрал одну и поставил на колоду.

— Только баню опять не спалите.

Я возмущённо посмотрела на него.

— Всё. Началось. Один раз.

— Два.

Тимошка поднял глаза и осуждающе посмотрел.

— Ой, иди ты.

Он рассмеялся и с первого удара расколол чурку надвое.

— Тима, всё, не надо меня подъёбывать. Я уже научилась и теперь вообще практически местная. Я знаю, где что покупать, умею печь растапливать, воду таскать умею, баню топить умею. Я даже вчера сама поняла, почему дым обратно пошёл.

— Почему?

— Потому что ветер.

— Заслонку забыли открыть?

Я помолчала.

— Это сейчас неважно.

Он заржал.

— Нет, ну правда, — продолжила я. — Я уже вросла здесь корнями. Ещё недели две — и начну на приезжих смотреть с осуждением.

— Вы сама приезжая.

— Вот именно. Поэтому я знаю, как это делается.

Топор снова опустился на колоду. Я сидела на перевёрнутом ведре рядом и наблюдала, как он работает. За полтора месяца Тимошка загорел ещё сильнее. Белёсые волосы выгорели до совершенно светлых, веснушки стали заметнее, а сам он всё так же выглядел лет на восемнадцать — особенно когда улыбался. Вообще все трое были какие-то подозрительно нормальные. Я всё ждала, когда начнётся то самое поколенческое разочарование, ради которого взрослые обычно и общаются с молодёжью, — тупые шуточки, показная наглость, вечное «а чё такого», но нет.

Костя был поспокойнее. Паша говорил больше всех. Тимошка вообще, кажется, был воспитан так, будто где-то существовал специальный курс «как не бесить взрослых женщин». На их фоне материлась в основном я.

— Кстати, — сказал Тимошка, выбирая следующую чурку, — мы вечером на рыбалку собираемся.

— Молодцы.

— Вам рыбы принести?

Я сразу поморщилась.

— Не надо.

— Не любите?

— Люблю. Но я её не умею готовить.

Он посмотрел на меня.

— Я покупаю рыбу уже в состоянии, когда она максимально мало напоминает о том, что когда-то плавала и имела глаза. Целая рыба, которую надо чистить, потрошить и ещё непонятно что с ней делать, в этом я не хочу участвовать.

— Там ничего сложного.

— Все люди, которые умеют что-то делать, всегда говорят: «Там ничего сложного». Потом ты стоишь по локоть в рыбьих кишках и понимаешь, что тебя обманули.

Он прыснул.

— Мы можем сразу приготовить на костре. Если поймаем.

Я посмотрела на него уже с большим интересом.

— Вот это звучит лучше.

— Так приходите.

— Куда?

— На пристань. Мы недалеко будем.

— А во сколько?

— Часов в семь.

— Ну, семь ещё по-человечески. Ладно, если главу закончу — приду.

— Не закончите.

Я медленно повернула к нему голову.

— Тимофей, ты вообще за эти полтора месяца охуел немного, нет? Раньше хотя бы делал вид, что веришь в меня как в серьёзного взрослого человека, а теперь уже даже приличия не соблюдаешь.

— Я вас просто уже знаю.

— Вот именно. Слишком хорошо узнал и окончательно обнаглел.

Он улыбнулся и снова взялся за топор, а я посмотрела на почти пустую поленницу возле бани.

— И ты мне туда побольше наколи, пожалуйста. Я сегодня хочу нормально баню протопить.

— Как скажите.

Примерно так и прошли последние недели. Я писала книгу, Тимошка время от времени рубил мне дрова, Костя иногда появлялся вместе с ним, а Паша периодически рассказывал какую-нибудь местную историю. Они заходили, исчезали, снова возникали возле калитки или где-нибудь в посёлке, и я незаметно для себя перестала воспринимать их как случайных мальчишек, с которыми однажды познакомилась у магазина и на пристани.

Они просто стали частью этого места — такой же привычной, как горы за окном, старая баня во дворе и скрипкалитки, который я теперь узнавала даже из дома.

Я стояла перед небольшим зеркалом в спальне и уже минуты две решала вопрос, который совершенно точно не заслуживал двух минут моей жизни.

Накрасить глаза или нет?

Я чуть наклонилась ближе к зеркалу, посмотрела сначала на один глаз, потом на второй, словно за ночь между ними могла обнаружиться разница. Можно накрасить. Почему нет? С другой стороны — зачем?

— Лера, ты не на свидание идёшь, — сообщила я своему отражению.

Отражение не спорило.

Я вообще шла есть рыбу с тремя мальчишками, которые были младше меня настолько, что при определённом стечении жизненных обстоятельств я вполне могла бы быть им какой-нибудь очень ранней и очень несчастной матерью. Кому я там собралась ресницы демонстрировать?

Я положила тушь обратно. Через несколько секунд снова взяла. Ну а с другой стороны, что теперь, если я не на свидание, мне всю оставшуюся жизнь ходить с лицом человека, которого только что разбудили пожарной тревогой? Мне самой приятно иногда выглядеть покрасивее. Для себя вообще-то тоже нужно краситься.

Я покрутила тушь в пальцах.

— Боже, — пробормотала я. — Как будто решение о судьбе человечества принимаю.

Положила обратно. Всё. Не буду.

Я расчесала волосы, оставила их распущенными, переодела футболку на чистую — исключительно потому, что та, в которой я работала весь день, уже выглядела как вещдок, — натянула джинсы и вышла из комнаты. У самой двери остановилась. Вернулась. Взяла с полки духи и дважды пшикнула на шею. Тут же посмотрела на себя в зеркало.

— Это тоже для себя.

На этот раз отражение, по-моему, откровенно надо мной издевалось.

Я схватила лёгкую толстовку, потому что за последние недели уже успела усвоить: если в семь вечера тебе кажется, что на улице тепло и она тебе точно не понадобится, часов в девять ты будешь сидеть, засунув руки в рукава, и вспоминать все свои жизненные решения. На улице ещё было светло. Солнце уже заметно опустилось к горам, но до заката оставалось время, и низкий тёплый свет растекался по склонам, цеплялся за верхушки деревьев и превращал воду в огромное движущееся зеркало.

Я за эти полтора месяца так и не привыкла к тому, что красоту здесь невозможно было нормально сфотографировать. Телефон всё портил. На экране получалось красивое озеро, красивые горы, красивое небо. Всё правильно. Всё на месте, а глазами ты видел совсем другое. Горы казались выше, лес — темнее и гуще, вода — глубже, а пространство вокруг таким огромным, что временами я ощущала себя в нём какой-то совершенно незначительной человеческой букашкой с ноутбуком и дедлайном. От воды тянуло прохладой. Над самым озером ещё лежал золотой свет, а дальние склоны уже начинали постепенно темнеть, становясь сизо-синими. Я шла вдоль берега и думала, что, наверное, всё-таки была права, когда сюда приехала.

Ну или очень удачно ошиблась.

Мальчишек я увидела ещё издалека. Они расположились чуть дальше от основной пристани, где берег становился более пологим. Две удочки стояли на подставках, ещё одну держал Костя. Паша сидел у самой воды, Тимошка возился возле небольшого костра. Рядом на камнях стоял пакет. И, судя по торчащим из него бутылочным горлышкам, вечер обещал быть гораздо интереснее моего первоначального плана «пять минут посмотрю, как они ловят рыбу, и пойду обратно работать».

— О! — первым заметил меня Паша. — Пришла всё-таки.

Я подошла ближе и посмотрела на него.

— А вы, я смотрю, вообще не верили в мою способность закончить главу.

Тимошка, сидевший возле небольшого костра, поднял голову.

— Закончили?

— Нет.

Все трое засмеялись.

— Вот гады. Никакой поддержки творческого человека. Хоть бы один для приличия сказал: «Лера, мы в вас верили».

— Мы в вас верили, — совершенно серьёзно произнёс Костя.

— Поздно. Теперь уже не считается.

Я сняла толстовку с плеча, огляделась и только тогда заметила возле воды небольшое ведро.

— Рыба-то хоть есть?

— Есть, — сказал Паша. — В ведре.

Я подошла и заглянула внутрь. На дне плеснулась живая рыба, заставив меня машинально отступить на полшага.

— Ой. Я почему-то ожидала увидеть её уже в каком-нибудь более кулинарном состоянии.

Паша рассмеялся.

— Мы её только поймали. Потом почистим, Костя обычно в фольге делает.

— Отлично. Тогда я вообще ни во что не вмешиваюсь. Вы сами ловите, сами чистите, сами готовите, а я потом просто прихожу к самому приятному этапу.

— Удобно устроились, — сказал Костя.

— А я сразу честно предупредила, что целую рыбу готовить не умею. В моём мире она появляется уже без головы, внутренностей и подробной биографии. Поэтому я лучше не буду мешать людям, которые понимают, что делают.

Я устроилась на лежавшем возле костра бревне, вытянула ноги и посмотрела на удочки.

— Вы давно здесь и как вообще понять, сегодня нормально ловится или плохо? Я в этом полный ноль, для меня наличие хотя бы одной рыбы уже выглядит как успешное мероприятие.

— Минут сорок сидим, — ответил Костя. — Пока так себе.

— Это от погоды зависит, от воды или вообще от чего угодно?

— От всего понемногу, — сказал Тимошка. — Ветер, вода, место, на что ловишь. Иногда просто не берёт и всё.

— И вы можете несколько часов просидеть, ничего не поймать и всё равно считать, что нормально сходили?

Паша пожал плечами.

— Конечно. Тут же не только ради рыбы сидишь.

Я посмотрела на озеро. Вода почти не двигалась, солнце уже опускалось к горам, возле костра было тепло, а вокруг стояла такая тишина, которой в городе никогда не бывает.

Мальчишки занялись удочками, а я некоторое время просто сидела рядом. Паша что-то поправлял на своей снасти, Костя следил за поплавком, Тимошка подкинул в костёр пару

тонких веток. Они почти не разговаривали, и впервые за долгое время мне не хотелось срочно заполнять тишину. Через несколько минут Костя резко поднял удилище. Леска натянулась.

— Есть.

Все трое моментально переключились на него, и я тоже подалась вперёд.

— Большая?

— Пока непонятно, — ответил Паша, вставая.

Костя медленно подтягивал леску, Тимошка подошёл ближе к воде. Рыба плеснулась возле берега, блеснула серебристым боком, и через несколько секунд уже билась на камнях.

Я встала и подошла посмотреть.

— Ничего себе. Это считается большой или у вас сейчас опять окажется, что для местных это вообще мальки?

— Нормальная, — сказал Костя. — Хариус. Бывают крупнее.

Он снял рыбу с крючка, пока я наблюдала за процессом с безопасного расстояния.

— Вот этого я сама делать точно не буду. Я прекрасно ем рыбу, но мне совершенно необязательно участвовать во всех этапах её превращения в еду.

— Тогда и чистить не смотрите, — сказал Паша.

— Даже не собиралась. Позовёте, когда фольга появится.

Тимошка вернулся к костру, порылся в пакете и достал бутылку пива.

— Будете?

— Буду.

Он открыл её и протянул мне. Я сделала несколько глотков и снова устроилась на бревне.

Пиво было холодным, костёр приятно грел ноги, и где-то минут через десять я окончательно перестала понимать, зачем вообще собиралась сегодня работать.

Паша с Костей заговорили о том, что последние несколько вечеров клёв стал хуже. Я ничего не понимала в названиях мест, о которых они говорили, но слушать было интересно. Оказалось, они прекрасно знали, где течение сильнее, где вода холоднее, где рыба обычно стоит утром, а куда лучше идти ближе к вечеру.

— Вы прям всё озеро так знаете? — спросила я. — В смысле где какой берег, куда на лодке лучше идти, где рыба, где вообще можно высадиться?

— Не всё, конечно, — ответил Паша. — Но здесь вокруг нормально знаем. Мы с детства ходим.

— Вот это для меня, наверное, самое непривычное. Я могу десять лет жить в одном городе и понятия не иметь, что находится через три двора от моего обычного маршрута, а вы тут по берегу ориентируетесь так, будто у вас карта в голове.

— Привыкаешь, — сказал Костя. — Если постоянно ходишь, потом уже даже не думаешь.

Я кивнула и снова посмотрела на воду.

— Наверное. Я вот за полтора месяца уже тоже начала привыкать к вещам, которые сначала казались совершенно чужими. К магазину этому вашему, к тому, что тётя Нина может прийти без звонка и принести мне яйца, потому что у кого-то там куры слишком хорошо несутся. К бане даже. Никогда не думала, что буду добровольно планировать вечер вокруг того, когда мне надо начать её топить.

Тимошка усмехнулся.

— Особенно теперь, когда научились.

Я медленно повернула к нему голову. Он уже улыбался.

— Тимофей, мы же вроде договорились больше не обсуждать тот короткий и трагический период моей жизни, когда у меня были некоторые разногласия с заслонкой.

— Мы не договаривались.

Я молча показала ему средний палец. Паша заржал, Костя опустил голову, пряча улыбку, а Тимошка только довольно усмехнулся и снова повернулся к костру.

— Вот.

— Очень культурно.

— Я же вам с первого дня говорила, что вы на моём фоне пугающе воспитанные. Я вообще не понимаю, откуда вы такие взялись. Вам восемнадцать лет, вы должны сейчас через слово говорить какую-нибудь херню, хвастаться тем, чего не было, и пытаться произвести впечатление на всё женское население в радиусе километра.

— А зачем? — спросил Костя.

— Не знаю. Я ориентируюсь на стереотипы.

— Вы же писатель, — заметил Паша. — Вам положено.

— Вот именно. Я профессионально занимаюсь тем, что беру человеческое поведение, довожу его до абсурда и потом продаю.

Костя снял рыбу с крючка и посмотрел на меня.

— Кстати, давно спросить хотел.

— М-м?

— А почему именно фэнтези?

Я повернула к нему голову.

— В смысле?

— Ну почему не детективы, например? Или ужасы там или обычные романы. Почему всё время вот это: драконы, магия, всякие там...

Он неопределённо покрутил рукой.

— Хрени?

— Я хотел сказать «существа».

— Боже, Кость, можешь говорить «хрень», я не развалюсь. Тем более после того количества мата, которое вы от меня уже слышали.

Он усмехнулся. Я немного задумалась, покрутила бутылку между ладонями и посмотрела на озеро.

— А вот это, кстати, хороший вопрос.

— Можно не коротко, — сказал Паша.

— Зря ты это сказал, — тут же предупредил Тимошка.

Я повернулась к нему.

— Вот сейчас было обидно.

— Я ничего.

— Ты прекрасно знаешь, что если меня спросить о книге, я могу разговаривать до утра.

— Знаю.

— Вот и сиди тогда молча.

Он улыбнулся, а я снова посмотрела на Костю.

— Короче. Наверное, потому что в реальном мире и без меня слишком много всякой жопы происходит. Ты открываешь новости — там жопа. Заходишь в соцсети — там кто-нибудь обязательно с кем-нибудь ругается, кто-то умер, кто-то заболел, где-то что-то случилось, кому-то плохо. У человека в собственной жизни тоже обычно хватает проблем: работа, деньги, отношения, дети, родители, ипотека, не знаю, всё что угодно. И вот он вечером приходит домой, открывает книгу — и я ещё ему туда такую же реальность запихну? Ну зачем?

Костя пожал плечом.

— Кто-то же читает.

— Конечно читает. И это нормальные книги, я вообще не говорю, что они плохие. Есть люди, которым наоборот нужно что-то максимально жизненное, тяжёлое, чтобы сидеть потом

и неделю думать о смысле бытия. Я не из них. Мне самой хочется открыть книгу и уйти оттуда нахер. Из реальности, в смысле.

Паша засмеялся.

— Вот прям нахер?

— Прям нахер или ещё дальше. Чтобы там были горы, замки, магические академии, какой-нибудь прекрасный мужик, который на самом деле дракон, древнее пророчество и проблема такого масштаба, на фоне которой моя неоплаченная квитанция за электричество кажется совершенно несущественной.

— А злодеи? — спросил Тимошка. — Там же тоже плохое происходит.

— Конечно. Без этого истории не будет. Если все хорошие, все друг друга любят и никто никого не пытается убить, это не роман, а семейный фотоальбом. Антагонист должен быть, опасность должна быть. Героям должно быть плохо, иначе читателю будет скучно. Но это другое плохое, понимаешь?

Он слегка нахмурился.

— Как это?

— Ну вот смотри. Одно дело — читать о том, как человек потерял работу, у него нет денег, вторая половина ушла, отец заболел и теперь надо как-то жить дальше. Такое вполне может происходить с тобой, со мной, с любым человеком. И если у тебя самого сейчас похожая ситуация, ты вместо того, чтобы отвлечься, будешь ещё двести страниц проживать её с чужим человеком. А совсем другое дело — когда у героини сожгли деревню, потому что древний дракон проснулся после двух тысяч лет и теперь какой-нибудь чёрный маг собирается захватить континент. Это тоже ужасно. Но вероятность, что завтра утром со мной случится именно это, всё-таки невелика.

— Вдруг, — сказал Паша.

— Если завтра у меня древний дракон сожжёт дом, я первой публично признаю, что была неправа.

Они рассмеялись. Я сделала ещё глоток и продолжила:

— И вообще, книги же для многих реально работают как... я не знаю, как убежище, наверное. Я это по читателям вижу. Иногда мне пишут такие сообщения, что я потом сижу и думаю: боже, а я ведь просто придумала какую-то херню про дракона. А человек говорит, что читал её в очень тяжёлый момент и эти несколько дней хотя бы не думал о том, что у него происходило в собственной жизни. И это, если честно, наверное, одна из немногих вещей в моей работе, из-за которых я иногда думаю, что занимаюсь чем-то не совсем бесполезным.

Никто не перебил. Я даже чуть смутилась от собственной внезапной серьёзности и сразу вернулась в привычное русло:

— Плюс люди потом вообще сходят с ума очень смешным образом. У них случается гиперфикс на конкретной книге. Они её перечитывают, переслушивают аудиоверсию, делают подборки музыки под героев, пишут мне: «Вот эта песня — это сто процентов Эйан», а я сижу такая: кто такой Эйан? Потому что книга была шесть лет назад, а они знают его лучше меня.

Паша заржал.

— Серьёзно?

— Абсолютно. Сейчас ещё нейросети появились, так вообще красота. Мне присылают ролики по моим книгам, где мои герои ходят, разговаривают, целуются, где-то уже чуть ли не полноценные трейлеры делают. Иногда я смотрю и думаю: вау, вот примерно так я это и представляла. Иногда смотрю и думаю: боже, кто этот мужчина и почему вы решили, что это мой герой? Но сам факт — человек настолько погрузился в придуманный мной мир, что пошёл, потратил несколько часов и сделал по нему видео. Значит, я где-то свою работу выполнила.

Костя пошевелил удилищем, проверяя леску.

— То есть ваша задача, чтобы человек забыл, где он?

— В идеале — да. Не навсегда, конечно. Я не секта. Но вот чтобы он открыл книгу в девять вечера, потом поднял голову, посмотрел на часы, там четыре утра, а ему через два часа вставать на работу. И первая мысль: «Сука, Эйвара Вейр». Вот тогда я довольна.

— Добрая вы, — сказал Тимошка.

— Я очень добрая. Зато пять часов человек не думал о своих проблемах.

Я улыбнулась и ненадолго замолчала. Пока мы разговаривали, солнце успело спрятаться за горами, и вместе с ним довольно быстро ушло дневное тепло. Я накинула толстовку и придвинулась чуть ближе к костру.

Вода впереди уже потеряла золотой блеск и стала темнее, а горы вокруг постепенно уходили в холодную синеву. Я некоторое время просто смотрела на них.

— Красиво, зараза, — сказала я.

Тимошка посмотрел туда же.

— Вы каждый раз это говорите.

— Потому что каждый раз красиво. Вот поэтому ещё фэнтези. Мне хочется всё это взять, добавить какую-нибудь летающую хрень над водой, дворец вон на той горе, мужика с крыльями — и всё, мне хорошо. Реальность уже почти всё сделала, мне осталось только немного её испортить.

— Так вы только про драконов пишете? — спросил Паша.

— Нет. Просто драконы у меня лучше всего идут. И мне самой они больше нравятся. Есть что-то очень удобное в мужике, который при необходимости может стать огромной огнедышащей тварью.

— Удобное? — переспросил Костя.

— Конечно. Кто тебя обидит? Никто. Кто дом отопит? Он. Кто довезёт без пробок? Тоже он. Единственная проблема — парковка.

Паша рассмеялся.

— А ещё про кого?

— Ой, да много про кого. Я десять лет уже пишу. Плотно с издательством где-то лет восемь работаю, с Ритой столько же. Были ведьмы, демоны, маги, академии всякие. Вампиры были.

— Вампиры? — переспросил Тимошка.

— Были. Один цикл. Нормально зашёл, кстати, но я почему-то второй делать не захотела. Вот драконов могу бесконечно переставлять местами: этот огненный, этот ледяной, этот проклятый, этот последний в роду, этому девственницу подавай, этот вообще считает всех людей низшей формой жизни. А с вампирами я после трёх книг такая: всё, ребята, я про вас всё сказала.

— А кино же по вашей книге снимали? — вдруг спросил Паша.

Я повернулась к нему.

— Какое?

— Ну это... «Глаза дракона».

Я несколько секунд смотрела на него.

— Ты его смотрел?

— Да.

— Да ладно.

Он пожал плечами.

— С пацанами смотрели. Года три назад ещё.

Я невольно улыбнулась.

— Да. «Глаза дракона» сняты по моей книге.

— А книга тоже так называется?

— Нет. Книга называется «Невеста забытого дракона».

Паша прыснул.

— Чего ты ржёшь?

— Ничего.

— Нет уж, давай. Я вижу это лицо.

— Просто название...

— А что название? Отличное коммерческое название. Там сразу всё понятно. Есть дракон, он забытый, есть невеста. Человек ещё книгу не открыл, а уже знает, за что заплатил.

Тимошка усмехнулся.

— А почему фильм переименовали?

— Потому что продюсер решил, что мужчина не пойдёт в кино на фильм «Невеста забытого дракона». А на «Глаза дракона», видимо, пойдёт и до последнего будет надеяться, что там боевик.

— Я и думал, что боевик будет, — признался Паша.

Я расхохоталась.

— Вот! Я знала. Обманули мужика маркетингом, а там любовь.

— Нормальный фильм был.

Я посмотрела на него уже с искренним удивлением.

— Спасибо. Я, кстати, к сценарию никакого отношения не имела, поэтому всё, что тебе не понравилось, — не моя вина. А всё, что понравилось, естественно, из книги.

— Удобно.

— Я писатель. Мы вообще очень удобно устроились.

Костя снял очередную рыбу и положил её к остальным.

— Ведьмы, вампиры, демоны, драконы... А оборотни?

Я рассмеялась.

— Нет.

— Ни разу?

— Вообще ни разу. И, если честно, желания как-то особо тоже не возникало.

— Почему? — спросил Паша.

И почему-то настолько серьёзно, что я повернулась к нему.

— Да не знаю. Не моё вообще.

Три пары глаз смотрели на меня, ожидая продолжения. А я, конечно, не могла просто остановиться.

— Ну вы поймите, я же любовное фэнтези пишу. Мне всё-таки надо любовь красивого мужчины и женщины сделать. Желательно, чтобы мужчина был очень красивый, потому что я женщина практичная и прекрасно понимаю свою целевую аудиторию. И вот дракон — прекрасно. Он большую часть времени мужик. Красивый мужик. Потом, когда сюжет требует, превращается в огромного дракона, летает, убивает врагов, всё замечательно.

Я сделала глоток пива.

— Вампир — тоже нормально. Человек внешне. Ну, зубы, кровь, солнце там ему мешает — переживём. Демон вообще прекрасен, ему можно рога красиво нарисовать, и все счастливы.

Я махнула бутылкой.

— А оборотень — это что?

Никто не ответил.

— Я вот всегда на этом месте ломаюсь. Он, значит, прекрасный мужчина, она прекрасная дева, у них любовь, страсть, всё хорошо. Потом полная луна — и что? Он собака сутулая какая-то по лесу бегает?

Тимошка кашлянул. Я уже разошлась.

— Ну вот как мне это романтизировать? «Он подошёл ко мне, и от него пахло кедром, кожей и...» Псиной? Спасибо, нет. Мне сразу хочется его шампунем от блох обработать, а не любовную сцену писать.

Я смотрела на озеро и продолжала размышлять вслух:

— Хотя, может, я просто не придумала нормальную концепцию. У коллег же нормально получается, люди читают, всем нравится. Это чисто мой какой-то внутренний затык. Я как только представляю волка, у меня романтика заканчивается. Всё. Стоит он на четырёх лапах, язык наружу — ну какая любовь? Иди палку принеси.

— Жестоко, — сказал Костя.

Я посмотрела на него.

— К оборотням?

— К собакам.

— А. Собак я люблю, они милахи. Я сейчас исключительно литературных оборотней оскорбляю, реальные могут не переживать.

Тимошка взял мою пустую бутылку.

— Ещё будете?

— Буду.

Он потянулся к пакету, открыл следующую и протянул мне.

— Кстати, вы завтра утром свободны?

Я приняла бутылку.

— Смотря насколько утром. Если ты сейчас скажешь «в шесть», то нет. В шесть утра я даже юридически не человек.

— Часов в десять.

— А что?

— Мы в посёлок заедем, потом на ту сторону хотели сходить. Вы же говорили, фотографии вам нужны.

— А-а.

Разговор совершенно спокойно ушёл в другую сторону. Я начала выяснять, куда именно они собираются, сколько это займёт, надо ли мне брать с собой еду, почему «часа два» из уст Тимошки обычно означают минимум четыре и есть ли там связь, потому что Рита последние несколько дней уже начинала подозрительно часто интересоваться моим прогрессом.

Костя первым снял с огня свёрток фольги и осторожно развернул его, выпуская облако горячего пара.

— Всё, готово.

Я сразу подалась ближе.

— Вот теперь другое дело. Вот в таком состоянии я рыбу люблю.

Паша засмеялся и протянул мне тарелку.

— Хариус.

— Я поняла уже, вы мне это название раза четыре сказали.

Рыба легко разошлась под вилкой. Я аккуратно сняла кусочек кожи, провела вилкой вдоль хребта, выбрала несколько попавшихся косточек и попробовала. Некоторое время жевала молча.

— Блин. А действительно вкусно.

— Мы вам говорили.

— Ну мало ли что вы мне говорили. Вы местные. У вас тут всё самое вкусное, самое красивое и вообще лучше всех. Это обязательное условие проживания в регионе.

Я отделила ещё кусочек. Хариус был нежнее, чем я ожидала, без сильного рыбного запаха, который я не особенно любила, а дым от костра вообще сделал с ним что-то совершенно прекрасное.

— Нет, правда вкусно, — признала я. — Вот если бы мне ещё кто-нибудь постоянно его ловил, чистил, готовил и приносил уже в таком виде, я бы, возможно, пересмотрела свои отношения с рыбалкой.

— А вам только есть? — спросил Паша.

— Конечно. Я же правильно распределяю ресурсы. Вы получаете удовольствие от самого процесса, я — от конечного продукта. Всем хорошо.

— Мы ещё ничего не получаем, — заметил Костя. — Вы уже вторую половину съели.

Я посмотрела на свою тарелку.

— Потому что вы медленные. В природе выживает сильнейший.

Тимошка тихо рассмеялся.

— В книге про оборотней это напишете.

— Нет уж, мы выяснили, что оборотней я не люблю. Не надо опять к этим собакам возвращаться.

Некоторое время мы не разговаривали. Солнце уже скрылось за горами, но вечер ещё не стал по-настоящему тёмным. Над озером держался долгий синий свет, тот самый промежуток между днём и ночью, когда вода постепенно теряла цвет и становилась глубокой, почти стальной, а покрытые лесом склоны напротив превращались в тяжёлые тёмные силуэты.

Я натянула рукава толстовки на ладони и подвинулась ближе к огню. Где-то на склонах уже топили печи и бани. Между деревьями кое-где поднимались тонкие серые полосы дыма, но высоко они не уходили, цеплялись за лес, стелились вдоль гор, и издалека казалось, будто сами склоны понемногу начинают дымиться.

Я некоторое время смотрела туда.

— Вот интересно, — сказала я наконец. — А вы зимой здесь вообще что делаете?

Паша усмехнулся.

— Живём.

— Нет, ну это я понимаю. Я в смысле — что вы делаете? Сейчас понятно: туристы, лодки, рыбалка, кто-то приезжает, уезжает, постоянно какое-то движение. А зимой? Я всегда у местных это спрашиваю. Потому что я приезжаю куда-нибудь летом, смотрю вокруг и думаю: господи, здесь прекрасно. А потом представляю январь, снег вот по это самое место, всё закрыто, темно в пять вечера — и мне уже интересно, чем люди занимаются месяцев пять подряд.

— От туристов отдыхаем, — сказал Костя.

Я рассмеялась.

— Вот! Я знала. Все местные одинаковые. Летом вам наши деньги нравятся, а к сентябрю вы уже хотите перекрыть дорогу и никого больше не пускать.

— Деньги нравятся, — согласился Паша. — Людей к августу уже поменьше хочется.

— Честный человек.

Тимошка сидел возле костра, подбрасывая в него тонкую сухую ветку.

— Зимой спокойно. Народу меньше намного. Снег, тишина. Домом занимаешься, дровами. Кто работает — работает. В город ездим.

— Ещё рыбачим, — добавил Костя. — На снегоходах ездим. Охота.

— Вот охота зимой, наверное, даже удобнее, — сказала я. — Следы хотя бы видно. По снегу сразу понятно, кто куда пошёл.

Паша переглянулся с Тимошкой, и оба почему-то улыбнулись.

— Удобнее, — сказал Паша.

— Намного, — добавил Тимошка.

— Ну вот. Даже я что-то понимаю в дикой природе. А вы надо мной всё смеётесь.

— Мы не смеёмся.

— Да конечно. Особенно ты. У тебя уже лицо меняется, когда я начинаю рассказывать что-нибудь из своих знаний о выживании.

Костя фыркнул, а я допила пиво и снова посмотрела на мальчишек.

— Ой, мальчишки, смотрю я на вас и думаю: вы только вот это своё не просрите потом, ладно? Вы же реально всю жизнь вместе. Я сколько здесь живу, вас почти по отдельности не вижу: один где-то появился — значит, ещё двое либо рядом, либо сейчас подтянутся. Это на самом деле очень круто, хотя вы, наверное, пока даже не понимаете насколько.

Я сказала это уже без привычного стёба и на секунду задумалась.

— У меня со школьными друзьями вообще странно получилось. Когда маленькие, кажется же, что вот эти люди будут рядом всегда. Потому что как иначе? Вы вместе каждый день, вы всё друг про друга знаете, кто с кем первый раз целовался, кто какую двойку получил, у кого мать куда не отпустила. Потом школа заканчивается, один уезжает, второй женится, у третьего ребёнок, четвёртый вообще непонятно куда исчез. И сначала ты ещё пытаешься всех удержать — созвоны, встречи, «мы обязательно будем общаться», а потом проходит лет пять, и оказывается, что с человеком, с которым ты когда-то могла проговорить всю ночь, сейчас можно только сказать: «Ой, привет, как ты? Работа? Дети? Ну отлично, давай как-нибудь обязательно встретимся».

Паша поковырял палкой землю возле костра.

— А встречаетесь?

— Конечно нет. В этом и смысл фразы «обязательно как-нибудь встретимся». Она означает, что мы оба прекрасно понимаем: нихера мы не встретимся.

Они засмеялись.

— Поэтому вы давайте, — продолжила я, — когда сейчас разъедетесь по своим институтам, не просрите это всё. Потому что потом новых близких друзей заводить почему-то сложнее. Вроде людей вокруг до хрена, знакомых ещё больше, а вот таких, которым ты можешь позвонить и сказать: «Так, у меня случилась какая-то херня, приезжай», — почему-то с возрастом становится всё меньше.

— Мы не разъедемся, — сказал Костя.

— Ты вроде остаёшься, да?

Он кивнул.

— Вот. Значит, ты назначаешься хранителем вашей мужской дружбы. Эти двое уедут, начнут там взрослую жизнь изображать, забудут тебе звонить — ты им сразу по шее.

— Хорошо.

— Я серьёзно, — я погрозила пальцем.

Тимошка усмехнулся.

— Вы за полтора месяца уже нашу жизнь устроили.

— Конечно. Я вообще очень удобный человек. Можно ничего не решать, я приду и объясню, как вам правильно жить.

— А свою? — спросил Паша.

Я посмотрела на него.

— Вот свою как раз сложнее. Там специалист нужен.

Тимошка рассмеялся.

— Ну вот. А нам советы раздаёте.

— Тим, бесплатный совет либо принимают, либо молча игнорируют. Не надо ещё качество обслуживания оценивать.

Паша покачал головой.

— Я всё-таки не понимаю, как вы книги пишете.

— А что не так?

— Вы разговариваете больше, чем пишете, наверное.

— Нет, я и пишу много.

— Вот спросишь вас что-нибудь одно...

— А я тебе подробно отвечаю. Это называется развитая речь.

Я повернулась к Тимошке.

— Ты чего улыбаешься? Ты вообще первый человек, который должен быть благодарен моей развитой речи. Если бы я отвечала тебе только «да» и «нет», ты бы за полтора месяца со скуки умер.

— Не умер бы.

— Умер бы. И Костя с Пашей тоже. Просто вы ещё молодые и не осознаёте, насколько я обогатила вашу культурную жизнь.

Паша заржал.

— Эйвара Вейр приехала в посёлок и обогатила нас.

— Вот именно. Потом внукам будете рассказывать.

— Что вы матерились?

— И это тоже. Только детям моим книги сначала покажите, а потом уже рассказывайте правду об авторе.

Я сама засмеялась и протянула руку к оставшемуся хариусу.

Вечер незаметно перетёк в ночь, разговор снова куда-то ушёл — сначала к Пашкиной учёбе, потом к какому-то местному мужику, который умудрился прошлой зимой утопить снегоход там, где, по словам всех троих, утопить его было физически невозможно. Они перебивали друг друга, спорили, кто тогда первый полез вытаскивать, и каждый рассказывал эту историю немного по-своему.

Я сидела, слушала их и думала только о том, что мне хорошо. Паша как раз дошёл до того места своей истории, где, по его версии, Костя провалился по пояс в снег и потом минут десять доказывал всем, что именно так и планировал, когда за моей спиной раздался мужской голос:

— Паша.

Я дёрнулась так резко, что едва не уронила остатки рыбы. Господи, я даже не услышала, как он подошёл.

Оборачиваясь, я ожидала увидеть ещё одного местного мужика — кого-нибудь в старой куртке, резиновых сапогах, может, соседа, который пришёл выяснять, почему четыре идиота сидят возле воды и ржут на весь берег. Но мужчина, стоявший в нескольких шагах от костра, почему-то сразу заставил меня выпрямиться.

Он был лет пятидесяти, может, чуть старше. Высокий, худощавый, но крепкий, по нему сразу было видно, что возраст пока особо ничего с ним не сделал. На висках в тёмных волосах уже появилась седина, лицо обветренное, резкое, с глубокими складками у рта. Смотрел он спокойно, без злости, но от этого взгляда мне сразу стало немного не по себе.

— Я просил тебя сегодня не опаздывать, — сказал он.

Паша, который ещё секунду назад хохотал громче всех, мгновенно стал серьёзнее.

— Да, дядь Семён. Я помню. Сейчас уже собирались.

Тимошка тоже выпрямился.

— Здравствуйте, дядь Семён.

— Здравствуйте, — сказал Костя.

Семён коротко кивнул обоим, потом перевёл взгляд на костёр, удочки, открытые бутылки и снова на Пашу.

— Если бы помнил, мне бы не пришлось тебя искать.

— Да мы время не заметили.

— Я вижу.

Никто не засмеялся. Я сидела, прижимая бутылку к колену, и впервые за весь вечер молчала. Даже самой стало интересно, надолго ли меня хватит. Семён посмотрел на Костю.

— Вы оба тоже.

— Да, — ответил тот.

— Через двадцать минут у дома. Все трое.

Тимошка кивнул.

— Хорошо.

Семён помолчал ещё секунду, будто решал, достаточно ли этого.

— И без самодеятельности сегодня. Я понятно сказал?

— Понятно, — отозвался Паша.

Я перевела взгляд с одного на другого. Что именно они собирались делать после рыбалки, я понятия не имела, но судя по лицам мальчишек, задавать сейчас вопрос: «А какая у вас там самодеятельность?» — показалось мне неуместным.

Семён наконец посмотрел на меня. Мы встретились глазами всего на секунду, но меня будто чем-то холодным провели между лопаток. Не страх даже. Я не могла бы объяснить, чего мне бояться. Мужчина стоял от меня в нескольких метрах, ничего мне не сказал, никак не угрожал и вообще, судя по всему, пришёл исключительно за племянником. Просто иногда бывают люди, рядом с которыми тело почему-то реагирует раньше головы.

— Добрый вечер, — сказала я.

Причём таким приличным голосом, какого от себя уже давно не слышала.

— Добрый, — ответил он.

Семён снова посмотрел на Пашу.

— Двадцать минут.

— Да.

Он развернулся и пошёл обратно вдоль берега, так же тихо, как появился. Я проводила его взглядом, дождалась, пока он отойдёт достаточно далеко, и только тогда медленно повернулась к Паше.

— Паш.

— Что?

— Ты, конечно, меня извини.

Он уже начал собирать снасти.

— Но твой дядя вызывает во мне совершенно противоречивые чувства.

Тимошка поднял голову.

— Какие?

— С одной стороны, я почему-то рядом с ним мгновенно вспомнила всё хорошее, чему меня учили родители. Хотелось выпрямиться, перестать материться и сообщить, что уроки я сделала.

Паша усмехнулся.

— А с другой?

Я ещё раз посмотрела вслед Семёну. Его тёмная фигура уже растворилась в темноте берега.

— А с другой — я сейчас серьёзно думаю списать с него главного антагониста.

Костя хмыкнул.

— Почему антагониста?

— Ты его видел вообще? Вот появляется такой человек в книге, ничего ещё не сделал, ни одного младенца не съел, государство не захватил, героиню даже не похитил, а ты уже понимаешь: всё. Вот этот мужик явно знает, где находится подземная темница.

Паша рассмеялся.

— Он нормальный.

— Да я не говорю, что ненормальный. Он может быть прекрасным человеком. Может, он котят спасает и бабушкам сумки носит. Но выглядит он так, будто котят сначала допрашивает.

Тимошка не выдержал и прыснул. Паша уже сматывал леску.

— Он просто строгий.

— Вот именно. Причём вы все трое при нём так быстро превратились в пионерский отряд, что я даже впечатлилась.

Я поднялась с бревна и отряхнула джинсы.

— Всё, собирайтесь, дети. А то через двадцать минут вернётся главный антагонист и на этот раз уже заберёт нас всех.

— Вас-то за что? — спросил Тимошка.

— А я свидетель.

— Чего?

Я оглядела костёр, рыбу, пустые бутылки.

— Пока не знаю. Но для хорошего фэнтези этого достаточно.

Они засмеялись, и напряжение, которое появилось вместе с Семёном, будто само собой рассеялось. Через несколько минут от нашего вечера на берегу остались только затушенный костёр, запах дыма на одежде и пара забытых рыбьих чешуек на камнях. Я пошла домой, сунув руки в карманы толстовки. Семёна вспомнила ещё раз уже возле самой калитки.

Главный антагонист. Да, пожалуй, лицо у него подходящее.

Глава 4

Ночью погода испортилась. На следующий день с утра затянуло горы, потом пошёл дождь, и следующие несколько дней он то прекращался на пару часов, то начинал снова. Обещанную поездку за фотографиями мы несколько раз переносили, потом я перестала даже спрашивать: всё равно сидеть в лодке под дождём ради очередной красивой скалы мне хотелось значительно меньше, чем из тёплого дома смотреть на неё через окно.

Зато с книгой случилось чудо. Раз уж Алтай временно запретил мне гулять, пришлось работать, и вчера вечером я наконец поставила последнюю точку. Минут десять после этого я просто сидела перед ноутбуком и смотрела на последнюю строчку, ожидая какого-нибудь великого писательского облегчения. Ничего великого не произошло. Скорее наоборот — стало немного пусто. Почти два месяца ты каждое утро просыпаешься с мыслью о книге, засыпаешь с ней, бесишься из-за неё, радуешься, когда сцена складывается, ненавидишь персонажей, когда они отказываются делать то, что тебе надо, а потом в один прекрасный вечер пишешь последние два слова — и всё. Дальше они уже как будто живут без тебя. Ну, до тех пор, пока редактор не пришлёт файл с семьюстами комментариями и не напомнит, что рано я расслабилась.

— Ну что, Эйвара Вейр, — раздалось за моей спиной, — книгу дописали. Отмечать будем?

Я оторвалась от телефона и обернулась. Тимошка стоял у калитки, опираясь плечом о столб, и улыбался так, будто вопрос был исключительно формальностью и программу праздника без меня уже утвердили.

— Во-первых, когда ты называешь меня Эйварой Вейр вот с таким лицом, у меня ощущение, что сейчас либо автограф попросишь, либо денег.

— Автограф у меня уже есть.

— Я тебе ничего не подписывала.

— Значит, денег.

Он засмеялся, открыл калитку и прошёл во двор.

— Я бы вас, конечно, позвала куда-нибудь нормально, — сказала я. — Ресторан, бар, хотя бы место, где человек в честь завершения двухмесячного труда может заказать еду и торжественно не готовить её сам. Но с местной индустрией развлечений у нас некоторые сложности, поэтому максимум могу купить пельменей и сварить большую кастрюлю.

— Давайте лучше в Золотую бухту сходим. Мы с Костей и Пашкой мясо возьмём, там костёр разведём.

— Золотая бухта? Это реальное название или вы опять сами назвали какой-нибудь берег, потому что вам так удобнее?

Тимошка сел на ступеньку.

— Реальное. Там маленькая речка в озеро выходит. Раньше золото мыли, говорят, хорошо находили. Песок, самородки попадались. Потом перестали.

— Вот зачем ты сразу сказал, что перестали? Я уже почти решила отменить самолёт, купить тазик и ещё месяц самостоятельно обеспечивать своё финансовое благополучие.

— Вам мало?

— Денег много не бывает, Тимофей. Запомни это сейчас, пока молодой.

Он усмехнулся.

— Там ещё красиво.

— Ты это про каждое место здесь говоришь.

— Потому что красиво.

— Железная логика. А добираться долго?

— По воде где-то часа полтора, может, чуть меньше. По берегу далеко, сверху вообще большой крюк.

Я сразу посмотрела на него внимательнее.

— Тим, у меня послезавтра самолёт, завтра надо собирать вещи, поэтому сразу уточняю главное: мы сегодня домой вернёмся или ваше «сходим в бухту» в какой-то момент превратится в ночёвку у костра и философские разговоры до рассвета?

— До темноты вернёмся.

— Точно?

— Точно.

Я прищурилась, но Тимошка выглядел совершенно невинно.

— Люблю мероприятия, которые организуют без моего участия и мне достаточно сообщить, когда прийти и что надеть.

— В два у причала.

— Пиво у вас хотя бы будет?

— Возьмём.

— Тогда всё. Считай, уговорил. Книгу я закончила, Рите отправила, поэтому сегодня имею полное моральное право не делать вообще ничего полезного.

Он поднялся.

— В два. И не опаздывайте.

Я усмехнулась.

— Это сейчас мне сказал человек, которого я неоднократно ждала у собственных дров?

— Один раз.

— Двенадцать минут, Тимоша. Такие вещи не забываются.

Он рассмеялся и вышел за калитку. Я ещё некоторое время смотрела ему вслед. Вот и всё. Последний свободный день здесь. Завтра чемодан, уборка, попытки понять, как я умудрилась за два месяца разложить свои вещи по всему дому, а послезавтра — аэропорт и Москва. От этой мысли стало немного грустно.

У причала меня ждала обычная алюминиевая моторка — потёртая, с деревянными сиденьями поперёк и мотором сзади. За полтора месяца я таких здесь видела десятки, поэтому никакого разочарования не испытала. Скорее даже наоборот: отмечать завершение романа мы собирались совершенно по-местному — загрузить мясо, пиво и четырёх человек в лодку и уехать куда-то вдоль берега.

Тимошка уже сидел у мотора в футболке, шортах и кепке, надетой козырьком назад. Костя укладывал под сиденье пакет с продуктами, Паша придерживал лодку у причала.

— Ну что, — сказала я, остановившись рядом, — вижу, торжественная часть мероприятия тщательно подготовлена.

Паша посмотрел на лодку.

— А что не так?

— Всё так. Просто внутренний сноб Эйвары Вейр рассчитывал хотя бы на красную дорожку.

— Можем на руках занести.

— Нет, спасибо. Вам троим я доверяю значительно меньше, чем этой лодке.

Костя усмехнулся, а я всё-таки заглянула внутрь.

— Еда точно там?

— Лера, — протянул Тимошка.

— Я просто проверяю. Вдруг у вас там только пачка чипсов.

— Всё взяли.

— Тогда претензий нет.

Паша протянул мне руку. Я ухватилась за неё, осторожно перебралась через борт и устроилась на среднем сиденье. Мотор завёлся с таким рёвом, что разговаривать сразу стало бессмысленно. Лодка отошла от причала, и знакомый берег начал медленно отдаляться. Сначала ещё были видны дома, пристань, дорога выше по склону, несколько лодок у воды. Потом посёлок стал меньше, дома начали теряться между деревьями, и довольно скоро вокруг остались только озеро, горы и длинная полоса дикого берега впереди.

Я сидела, придерживая волосы одной рукой, и смотрела вокруг. Сколько бы я ни прожила здесь, именно с воды всё выглядело иначе. Горы казались больше. Не выше даже — больше, будто с суши я всё время видела только какую-то часть их настоящего размера. Берег то отступал, открывая широкие зелёные склоны, то вдруг подходил вплотную к воде огромной каменной стеной. Серый, местами тёпло-бежевый гранит был расколот на гигантские плиты, поставленные друг на друга под разными углами. Между ними чернели глубокие трещины, где каким-то невозможным образом цеплялись корнями сосны. Некоторые росли почти из голого камня. Ствол выходил из узкой щели, изгибался, будто долго искал, куда ему вообще расти, а потом расправлял крону уже над водой.

— Охренеть.

Паша засмеялся.

— Чего?

— Вы меня почему раньше сюда не привезли?

— Вы работали.

— И что? Вот я теперь смотрю на это и понимаю, что мой роман мог бы быть процентов на двадцать красивее.

— Из-за скал? — спросил Костя.

— Конечно. Я там месяц придумывала драконье логово, а оно, оказывается, вот.

Я показала на огромный каменный уступ впереди. Высокая скала поднималась прямо из воды, разбитая вертикальными трещинами, с крупными выступами и плитами. Где-то камень был почти белым на солнце, где-то уходил в тень и становился серо-коричневым.

— Сюда бы его посадить, — сказала я. — На самую верхнюю площадку. Огромного. Чёрного. Крылья вот так по камню, хвост вниз. Всё. Рита бы умерла от счастья.

— А героиню куда? — спросил Паша.

— Героиню? Вниз, естественно. Чтобы она смотрела наверх и думала: зачем я вообще сюда пришла.

— У вас все героини так думают?

— Большинство. Просто вслух не признаются.

Мотор постепенно стих. Я обернулась.

— Мы сломались?

— Нет, — Тимошка сбросил скорость. — Тут красиво. Медленно пройдём.

Лодка теперь скользила по воде. Исчез постоянный гул двигателя, и выяснилось, что вокруг очень мало звуков. Только вода мягко ударялась о металлический борт, где-то далеко кричала птица, а над головой шелестели сосны, хотя отсюда, с воды, я почти не чувствовала ветра.

Мы двигались вдоль скалы совсем медленно. Я запрокинула голову. Снизу она выглядела ещё мощнее. Каменные плиты уходили вверх одна над другой, некоторые словно держались совершенно вопреки здравому смыслу. Между ними торчали искривлённые корни, цепляясь за любую щель, где скопилась хоть горсть земли. Сосны росли на крошечных площадках, куда я бы пешком даже не рискнула полезть.

— Вот как они вообще там растут? — спросила я.

— Кто?

— Деревья. Там земли-то нет.

— Растут.

Я повернулась к Тимошке.

— Потрясающий ответ. Спасибо. Очень познавательная экскурсия.

Он улыбнулся.

— Вам же красиво?

— Красиво.

И даже это слово казалось каким-то слишком маленьким. Я снова взглянула на вверх.

— Мне сейчас обидно стало. Вы должны были меня сюда в первый день привезти. Я бы другую книгу написала.

— Про что?

— Про то же самое. Только дракон был бы гораздо убедительнее.

— Роман закончили ведь? — спросил Костя.

— Закончила, — поправила я. — Писательница во мне множественного числа не требует.

— И как?

Я задумалась.

— Хорошо. Наверное. Сейчас мне кажется, что хорошо. Через неделю я открою его после комментариев Риты и решу, что я бездарность и надо было идти работать продавцом. Это нормальный жизненный цикл книги.

— А если людям не понравится?

— Понравится.

Паша повернулся ко мне. Я улыбнулась.

— Не потому что я настолько самоуверенная. Хотя и поэтому тоже. Просто я уже знаю свою аудиторию. Я понимаю, что она от меня ждёт. Там всё на месте: дракон красивый, героиня не совсем идиотка, хотя временами старается, злодей убедительный, секс хороший, любовь спасает всё, что ещё не успели разрушить в первых трёхстах страницах. Народ будет доволен.

— Скромно, — заметил Тимошка.

— Тим, я десять лет книги продаю. На одном синдроме самозванца столько не заработаешь.

— А если бы реально встретили?

Я посмотрела на Пашу.

— Кого?

— Дракона.

Я рассмеялась.

— Опять?

— Нет, правда.

— Живого?

— Ну да.

Я немного подумала.

— Ты знаешь, я себе этот вопрос иногда задаю когда пишу. Что бы я сделала на месте героини. И всегда понимаю, что если бы мои персонажи вели себя так, как я, читатели вернули бы книгу и сказали, что это вообще невозможно читать.

— Почему?

— Потому что я бы всех заебала вопросами.

Они засмеялись.

— Вот представь: передо мной появляется настоящий дракон. Не просто огромная ящерица, а разумная тварь, которая ещё и человеком умеет становиться. И что должна сделать нормальная героиня любовного фэнтези? Либо испугаться, закричать, попятиться, желательно красиво упасть, чтобы он её поймал. Либо наоборот — если у нас сильная независимая героиня — достать меч и сказать: «Ещё шаг, чудовище, и я тебя убью».

Я фыркнула.

— Я бы стояла и спрашивала: подожди. А как это работает? Куда девается твоя масса, когда ты становишься человеком? Ты вот был десять метров длиной, а сейчас метр девяносто. Остальное куда? В параллельное пространство? А одежда? Почему одежда остаётся? А зубы? А внутренние органы? Ты сколько живёшь? Почему вас до сих пор никто не снял на телефон? Где вы прятались всё это время? У вас дети как рождаются? Из яйца? Если от человека, то кто получается? А медицина вообще знает, что вы существуете?

Паша уже смеялся.

— Вот поэтому, — продолжила я, — в реальном фэнтезийном мире меня бы дракон либо убил в первые десять минут, либо сам попросил вернуть его обратно в книгу.

— А если бы вы вообще туда попали? — спросил Костя.

— В мир фэнтези?

— Ага.

— Это смотря в какой. Вот в мою магическую академию — прекрасно. Я бы первым делом выяснила, где у них нормальный туалет.

Тимошка заржал.

— Что?

— А что «что»? Вы никогда не замечали, что в книгах все спасают мир, учатся магии, дерутся с демонами, участвуют в балах, а в туалет никто не ходит? Вот я бы сразу занялась базовыми потребностями. Потом интернет. Если интернета нет — трагедия. Потом уже магия.

— А если бы магия была?

— Я бы проверила всё. Можно ли летать, перемещаться, похудеть без диеты. Можно ли сделать так, чтобы волосы сами укладывались. Вот это, между прочим, настоящие вопросы, которые почему-то ни одного великого мага не интересуют.

— Вы бы магию на волосы потратили?

— Паша, если магия существует, её должно хватать не только на спасение человечества. Иногда человечество может подождать, пока я уберу пушистость.

Мы дружно засмеялись.

Лодка снова начала набирать скорость. Скала постепенно осталась позади, берег изменился. Каменные стены стали ниже, между ними появлялись участки густого леса, узкие каменистые полосы берега, маленькие речушки, которые стекали между валунами в озеро. Я то и дело доставала телефон, снимала, потом убирала его, потому что камера опять делала всё каким-то плоским.

— В Москву приедете — пишите, — сказала я. — Серьёзно. Будете когда-нибудь — проведу вам экскурсию по миру цивилизации.

— Куда? — спросил Паша.

— Ну куда захотите. Ресторан нормальный покажу. Театр, если вы вдруг культурные. По издательству могу провести, если Рита не убьёт меня за экскурсионную деятельность. Покажу, где рождается литература.

— За компьютером у вас дома?

— Не разрушай людям иллюзии.

Костя улыбнулся. Мы проплыли ещё какое-то время. Потом Паша снова спросил:

— А если не дракона?

— Господи, вы сегодня решили устроить мне интервью?

— Ну интересно.

— Кого?

Он пожал плечами.

— Вампира.

— Вампира я уже видела тысячу раз в своей голове. Тут вопросов меньше. Хотя тоже спросила бы, почему он не отражается в зеркале, но при этом свет от него отражается, иначе мы его вообще не видели бы. Это физически какая-то херня.

— Демона?

— Смотря какого.

— Ведьму?

— Попросила бы научить колдавству.

— А оборотня?

Я вздохнула.

— Ребят. Опять?

Паша улыбнулся.

— Просто спросил.

— Нет, вы реально как-то очень ограниченно мыслите. Вокруг столько прекрасных мифологических существ. Драконы, демоны, русалки, какие-нибудь древние боги, в конце концов. Нет. Вас заклинило на оборотнях.

— Ну всё же, если бы увидели настоящего.

— Что бы я сделала?

— Да.

Я рассмеялась.

— Не знаю. Палку бы бросила.

Костя хмыкнул.

— Палку?

— Ну а что? Может, принесёт. Уже какой-то контакт установим.

— А если не принесёт? — спросил Паша.

— Тогда скажу: «Фу, плохой мальчик».

Он опустил голову, будто пряча улыбку.

— Лера.

— Что «Лера»? Вы сами спросили.

— А если серьёзно?

Я вздохнула.

— Да что серьёзно-то? Ну не нравятся мне оборотни. Вот вообще. Я вам это уже рассказывала. Не мой жанр, не мой типаж, не мой фетиш. Если передо мной вдруг реально появится мужик и скажет, что по ночам превращается в волка, я сначала спрошу, не надо ли ему вызвать психиатра. А если он действительно превратится, конечно, охуею. Что ещё от меня требуется?

— Испугаетесь? — спросил Паша.

— Конечно испугаюсь. Я не бессмертная. Передо мной огромный волк, чего мне, в ладоши хлопать?

— Даже если только что человеком был? — спросил Костя.

Я задумалась.

— Вот это уже другое. Если я своими глазами увижу, как нормальный человек превращается в волка, я же не забуду через секунду, что пять минут назад он умел разговаривать, пользоваться дверной ручкой и, надеюсь, столовыми приборами. То есть сначала я, конечно, буду стоять и думать: что за херня сейчас произошла? А потом начну задавать вопросы.

Паша засмеялся.

— Волку?

— Ну превратится обратно когда-нибудь. Я подожду. Мне же интересно будет. Как это работает? Больно или нет? Куда одежда девается? Почему кости вообще не ломаются? Масса куда девается? Я вам ещё тогда объяснила: если в моей жизни реально случится фэнтези, глав-

ная проблема всех сверхъестественных существ будет не в том, что я их боюсь, а в том, что я их заебу.

— А близко подойдёте? — спросил Костя.

— Если он не пытается меня сожрать — наверное. Посмотрю. Может, даже потрогать захочу. Хотя...

Я поморщилась.

— Вот потрогать не знаю.

— Почему? — спросил Тимошка.

— Да потому что вонять, наверное, будет.

Паша перестал улыбаться.

— Вонять?

— Ну а как? Псиной.

Я посмотрела на них.

— Вы вообще были в зоопарке возле волков? Вот именно там, где волки, лисы, вся эта собачья братия? Господи, там же иногда пройти невозможно. Такая вонь стоит, что глаза вышибает. Причём возле львов почему-то так не пахнет. Возле медведей тоже терпимо. А подходишь к волчьему вольеру — всё, хоть противогаз надевай.

— Может, вольер грязный, — сказал Тимошка.

Я посмотрела на него. Он произнёс это неожиданно серьёзно.

— Да конечно. Все волчьи вольеры мира одновременно грязные. Нет, Тим, это псина. Они просто вонючие.

— Не факт, что оборотень так же пахнет, — возразил он.

— А чем ему пахнуть? Лавандой? Шерсть есть, по лесу бегает, в волка превращается. Я понимаю, что вы почему-то сегодня очень переживаете за репутацию оборотней, но природу не обманешь.

Костя фыркнул, а я уже снова начала смеяться.

— Вот и представьте любовное фэнтези. Она подходит к нему, он смотрит на неё своими золотыми глазами, весь такой страшный, прекрасный, опасный, от его кожи пахнет кедром, дымом и...

Я сделала красивую паузу.

— Псиной.

Костя рассмеялся. Тимошка покачал головой.

— Всё, — продолжила я. — Эротическая сцена закончилась. Дальше героиня идёт за шампунем от блох.

Паша провёл языком по внутренней стороне щеки.

— От блох ещё?

— Конечно. Шерсть есть? Есть. Лесом бегает? Бегает. Клещи, блохи, всё как положено. Там вообще целый ветеринарный комплекс нужен: холку обработать, вычесать, прививки проверить...

— Палку кинуть, — напомнил Тимошка.

— Палку обязательно. Если принесёт — молодец. Не принесёт — фу, плохой мальчик.

Я сама рассмеялась, но на этот раз никто особенно меня не поддержал. Я посмотрела на них по очереди.

— Ой, господи, какие вы чувствительные оказались. Я сейчас исключительно литературных оборотней оскорбляю. Реальные могут не переживать.

Паша отвёл взгляд к воде. Тимошка что-то сделал с мотором, и лодка начала сбрасывать скорость.

— А если он вас не тронет? — спросил Костя через несколько секунд.

Я повернулась к нему.

— Кто?

— Оборотень.

— Боже, мы всё ещё здесь?

— Ну интересно.

— Если не тронет, мы с ним прекрасно разойдёмся каждый по своим делам. Он в лес, я в противоположную сторону. Всем хорошо.

— А если не даст уйти?

Я нахмурилась.

— Ребят, вы чего сегодня к этому прицепились?

Паша пожал плечами.

— Интересно просто.

— Вам полтора месяца было неинтересно, а сегодня резко проснулось культурное любопытство?

— Ну допустим.

Я посмотрела на него, потом на Костю.

— Если не даст уйти, буду исходить из обстоятельств. Сначала разговаривать. Спрошу, что ему надо. Если получится — уйду. Если полезет — буду орать, убегать, палкой ударю, камнем, чем придётся. Я откуда знаю? В моих книгах на такие случаи обычно есть магия, меч или очень своевременно появляющийся красивый мужик. В реальной жизни у меня, как видите, только телефон.

Я достала его и посмотрела на экран.

— Причём уже даже без связи. Великолепно.

— Тут не ловит, — сказал Тимошка.

— Я заметила. То есть МЧС тоже отпадает. Поэтому если сейчас из кустов выйдет ваш гипотетический оборотень, вся надежда на вас троих.

Паша посмотрел на меня.

— На нас?

— Ну да. А на кого ещё?

Он перевёл взгляд на Костю, потом на Тимошку, но ничего не сказал. Я сунула телефон обратно в сумку.

— Всё. Я официально закончила отвечать на вопросы про оборотней. Следующий вопрос принимается только про драконов, деньги или мою блестящую карьеру.

Лодка тем временем завернула между двумя выступающими в воду мысами, и впереди открылась бухта. Я сразу отвлеклась. Она было небольшой, замкнутой берегом с трёх сторон. Вода здесь была заметно спокойнее и настолько прозрачной, что сквозь неё уже из лодки просматривались светлые камни на дне. Узкая полоска гальки тянулась вдоль берега и сразу упиралась в густой лес, а чуть левее между деревьями выбегала та самая маленькая речка, о которой рассказывал Тимошка. Вода в ней с шумом перебиралась через камни и несколькими рукавами растекалась по мелководью перед тем, как смешаться с озером. Ни домов, ни причала, ни беседок здесь не было. Даже обычной вытоптанной туристами тропы я не увидела — только лес, камни, речка и закрывающие бухту склоны.

— Ничего себе, — сказала я, разглядывая берег. — А вот это уже действительно похоже на место, где можно найти золото. Или труп. В зависимости от жанра.

Никто не засмеялся. Я обернулась. Тимошка уже направлял лодку к берегу.

— Красиво, — добавила я.

— Я же говорил.

Нос мягко ткнулся в гальку. Тимошка первым перепрыгнул на камни, удержал лодку за борт и протянул мне руку.

— Выходим.

Я поднялась, подхватила сумку.

— Только не урони меня, пожалуйста. У меня послезавтра самолёт, мне будет крайне обидно завершить творческую поездку переломом копчика.

— Не уроню.

Я опёрлась на его руку и перебралась через борт.

— Спасибо.

Под ногами заскрипела мелкая галька. Я отошла на несколько шагов, оглядывая бухту уже с берега.

— Ну? Где ваша золотодобыча и обещанное мясо?

Никто не ответил. Я обернулась. Костя собирал вещи, Паша всё ещё сидел в лодке и смотрел куда-то в сторону воды.

— Вы там чего? Я уже есть хочу.

Костя поднялся и выбрался на берег. Паша вышел следом.

— А куда идти-то? — спросила я.

— Недалеко, — ответил Тимошка.

— Я уже слышала ваше «недалеко». У вас оно легко может означать семь километров вверх по горе и небольшое восхождение без страховки.

Опять никто не засмеялся. Я посмотрела сначала на Тимошку, потом на Костю и наконец на Пашу.

— Вы чего такие? Как будто я вам праздник испортила.

Паша поднял на меня глаза и несколько секунд просто смотрел.

— Псиной, значит, воняем?

Я моргнула.

— Что?

— Оборотни.

— Боже, Паш...

— Блохастые.

Я уставилась на него.

— Ты сейчас серьёзно обиделся за вымышленного волка?

— А если не вымышленного?

Я фыркнула.

— Всё, хорош. Не смешно уже. Вы меня весь путь этим оборотнем мучили, я ответила примерно на сорок вопросов — программа выполнена. Давайте есть.

Я развернулась к Тимошке, но Паша подошёл ближе.

— А если прямо перед тобой?

Я снова посмотрела на него.

— Тогда передам ему лично всё, что только что сказала. Может, он хотя бы объяснит мне, почему вы сегодня устроили эту дебильную конференцию по оборотневедению.

— И про псину скажешь?

— Паша.

— И про блох?

Теперь я уже действительно начала злиться.

— Да. Скажу. Господи, ну что тебя так задело? Если он разумный, переживёт моё мнение о его запахе. А если нет, у нас тем более разговор не сложится.

Паша пристально смотрел в глаза, а потом вдруг потянул футболку через голову. Я замолчала.

— Ты чего?

Он бросил её в лодку.

— Паш?

Следом расстегнул шорты. Я тут же отвернулась.

— Эй. Ты совсем охуел? Я, конечно, рада, что мы за полтора месяца достигли такого уровня доверия, но предупреждать вообще-то принято.

За спиной послышался шорох ткани. А потом голос Паши:

— Псиной, говоришь?

Я повернулась. Паша стоял совершенно голый.

Первой реакцией было даже не смущение — я просто охуела. А следом внутри коротко, мерзко дёрнуло страхом. Совсем на долю секунды, пока мозг успевал сложить вокруг меня пустую бухту, отсутствие связи, троих парней и то, что один из них только что зачем-то разделся после совершенно идиотского разговора, который последние десять минут уже переставал казаться смешным. Я машинально отступила.

— Паш, оденься.

Он улыбнулся, и сейчас мне окончательно не понравилось ни то, как он на меня смотрел, ни то, что остальные вообще никак не реагировали.

— Ребят, хорош уже. Реально. Что за херня?

Вместо ответа Паша опустился на корточки, а потом поставил ладони на камни.

Я осеклась.

— Ты чего?

Раздался хруст.

Не обычный щелчок сустава, которым человек может хрустнуть пальцами или шеей. Звук был глубокий, сухой и настолько неправильный, что у меня всё внутри мгновенно сжалось. Паша дёрнулся всем телом, следом хрустнуло снова, и одно плечо вдруг ушло вверх, словно сустав вывернули из привычного положения.

— Паш?..

Я сделала ещё шаг назад и увидела, что под его кожей что-то двигается. Сначала я не поняла, на что смотрю, потому что мозг совершенно отказывался принимать очевидное: двигались кости. Позвонки один за другим проступили вдоль резко выгнувшейся спины, руки относительно тела будто начали становиться короче, а кисти, наоборот, расползались в ширину. Пальцы стягивались, утолщались, ногти темнели и вытягивались прямо у меня на глазах. Я отступила ещё и услышала под подошвой плеск.

— Тимоша...

Очередной хруст заглушил мой голос. Паша резко запрокинул голову, и начало меняться лицо. Меня накрыло по-настоящему. Не магией, не чудом и совершенно точно не тем красивым превращением, которое я десятки раз описывала сама у драконов. Человеческая челюсть с мерзким влажным щелчком пошла вперёд, скулы начали менять форму, нос расширился, зубы становились длиннее, а кожа натягивалась поверх новых костей так, будто прежнему человеческому лицу вдруг перестало хватать места. Меня затошнило.

Я попятилась и почувствовала, как ледяная вода мгновенно залилась в кроссовки. Но даже не остановилась. Паша больше не был человеком, стоящим на четвереньках. Таз ушёл назад, ноги перестроились под совершенно другой угол, тело вытянулось и стало тяжелее, мышцы перекатились под кожей одной плотной волной. Потом появилась шерсть — сначала узкой полосой вдоль позвоночника, следом на плечах и боках, дальше по конечностям, пока через несколько секунд человеческой кожи не осталось. Передо мной стоял огромный серо-бурый волк. Я смотрела на него, а он смотрел на меня.

Глаза были Пашины.

Я сделала ещё шаг назад, и вода уже поднялась до колен. Волк двинулся на меня.

— Нет...

Только сейчас мне удалось что-то сказать. Он дошёл до самой кромки, а я попятилась быстрее, чувствуя, как холодная вода поднимается выше колен, пропитывает джинсы и добирается до бёдер.

— Лер, — раздался голос Тимошки.

Я резко посмотрела на него.

Он стоял там же, на берегу. Тот самый Тимошка — светлые выгоревшие волосы, веснушки, знакомое лицо, которое я за последние полтора месяца видела, наверное, чаще любого другого. Только сейчас я смотрела на него и впервые не понимала вообще, кто передо мной. Тимошка кивнул на волка.

— Ну чего?

Я молчала.

— Палку-то кидай.

Паша поставил в воду сначала одну переднюю лапу, потом вторую. Я отступила ещё, и вода дошла уже до пояса. Холод ударил по-настоящему: живот свело, дыхание перехватило, мокрые джинсы тяжело облепили ноги, но выйти обратно на берег я всё равно не могла.

— Не принёс же ещё, — спокойно продолжил Тимошка. — Скажи ему.

Я смотрела на него, не понимая.

— Что?

Он улыбнулся.

— «Фу. Плохой мальчик».

Несколько секунд я просто молчала. Паша стоял передо мной в воде. На груди шерсть уже намокла и слиплась отдельными прядями, но дальше он не шёл, а просто смотрел. Пашиными глазами. Я никак не могла перестать об этом думать. Это был Паша. Тот самый Паша, который совсем недавно сидел со мной в лодке, смеялся, спорил про оборотней, раньше ел со мной рыбу у костра и рассказывал, как они зимой умудрились утопить снегоход. Только теперь у него было четыре лапы, огромная волчья морда и зубы, от одного вида которых меня снова начинало мутить.

— Лер, — снова позвал Тимошка.

Я медленно перевела на него взгляд. Он стоял на берегу, засунув руки в карманы шорт, и разговаривал со мной тем же голосом, каким обычно разговаривал у моего дома, пока рубил дрова. Это было совершенно неправильно. Он должен был делать что угодно другое. Кричать, смеяться, угрожать, хотя бы выглядеть так, будто понимает, что сейчас произошло. Но Тимошка был совершенно спокоен.

— Мы же тебя всю дорогу спрашивали, что ты сделаешь, если увидишь настоящего оборотня.

Я ничего не ответила.

— А ты всё про собак, — продолжил он. — Про блох и псину.

Меня трясло. Сначала я решила, что от холода, но почти сразу поняла, что холод здесь уже вообще ни при чём, хотя ног ниже колен я чувствовала всё хуже. За спиной Тимошки что-то зашуршало. Я посмотрела туда и увидела Костю. Он стягивал через голову футболку. Внутри меня будто что-то оборвалось.

— Нет...

Костя бросил футболку в лодку и начал расстёгивать штаны. Я смотрела на него и уже знала, что будет дальше. Когда он опустился на камни, я отвернулась. Первый хруст всё равно услышала — такой же тяжёлый, неправильный, сразу узнанный телом. Следом ещё один. Потом камни скрипнули под чем-то тяжёлым, и я зажала рот ладонью, пытаясь сглотнуть подступившую тошноту. Не надо было смотреть, а я всё равно посмотрела. Костина спина уже выгнулась, плечи меняли форму, человеческие руки перестраивались в передние лапы. Этого оказалось достаточно. Я отвернулась снова.

— Господи...

— Лер.

Я подняла глаза на Тимошку. Он улыбался совершенно знакомо, по-доброму, и от этой улыбки мне стало страшнее, чем от волка, стоявшего передо мной в воде.

— Давай сыграем.

Я ничего не ответила.

— Видишь речку?

Он показал в бок, в сторону леса, но я даже не посмотрела.

— Пойдёшь вверх по ней. Там дальше мост. Добежишь — выиграла.

Я продолжала смотреть только на него.

— А если не добегу?

Не знаю, зачем вообще спросила. Наверное, потому что мозгу отчаянно хотелось хоть каких-то правил. Тимошка пожал плечами.

— Тогда посмотрим.

За его спиной уже поднялся второй волк. Он был крупнее Паши. Встряхнулся, словно несколько секунд назад с ним вообще ничего не произошло, переступил тяжёлыми лапами по камням и вскинул морду.

Вой разлетелся по бухте так резко, что я вздрогнула всем телом. Он был низким, настоящим, слишком громким для этой маленькой закрытой бухты. Звук прошёл над водой, ударился о склоны и вер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.